

До последнего вдоха

Автор:

Алиса Ковалевская

До последнего вдоха

Алиса Ковалевская

В моей жизни было всё: большой дом, муж, готовый ради меня уничтожить хоть самого дьявола, дочь, появление которой стало чудом. Я почти забыла боль и страхи прошлого. Но однажды в наш дом пришёл человек. И мне пришлось вспомнить, что в реальности сказкам места нет.

Только кошмарам.

Третья книга об Алексее и Стэлле из серии «Подаренная ему».

Содержит нецензурную брань.

Алиса Ковалевская

До последнего вдоха

Глава 1

Твоих глаз болотная зелень:

Каждый взгляд в глубину, до нутра.

Через кровь, через пули и темень,

Будет так – здесь, сегодня, вчера.

И, вгрызаясь в остатки надежды,

Сиплым выдохом в губы твои:

Ты моя. Ты моя, как и прежде.

Ты моя по законам любви.

Ты моя, даже если не вместе,

Там, где треплются неба края,

Где вой волчий звучит вместо песни,

Ты моя. До последнего вздоха моя

А. Ковалевская

Стэлла

Лучи заходящего солнца играли со струями воды. Фонтан журчал, переговариваясь с деревьями, отвечающими ему шорохом листьев. Зачерпнув в ладонь воду, я пропустила её сквозь пальцы и положила руку на колено. Озорной лучик заинтересовался бриллиантами обручального кольца. Те засверкали, демонстрируя всё своё величие, и я ненадолго засмотрелась на них. Вытерла руку о тунуку и соскользнула на землю к дочери.

- Пойдём домой, - присела рядом с ней на нагретую гальку.

Надя с сосредоточенностью перебирала камешки. Взяла один, большой, плоский. Чем-то он её не устроил, и она отложила его. Взяла другой, ещё больше. По форме он напоминал неправильный треугольник. Одна грань была тонкая, другая - шириной с сантиметр. Он ей тоже не понравился. Зато третий - ещё больше первых двух - пришёлся по душе. Дочь положила его перед собой, придвинула к нему тот, что уже лежал около её сандалии - аккуратный, кругленький. Нашла третий.

- Красивый какой, - я взяла его в ладонь.

Он был идеальной продолговатой формы. Чёрный, блестящий, с едва различимыми крапинками.

- Это камень-мама, - Надя забрала его и вернула к остальным. Её крохотные пальчики прошли по нему с особенной детской любовью. - Он должен быть самый красивый. Мама всегда самая красивая.

Рано начавшая говорить, она уже почти не картавила. Только буква «р» порой звучала мягко. И эта мягкая «р» служила мне напоминанием о том, что совсем недавно Надя была крошечным, завернутым в розовое одеяльце комочком.

- А это папа? - показала я на большой камень.

- Да.

– А это? – на маленький кругленький.

– А это дочка.

Я улыбнулась. Искоса посмотрела на собравшую всю «семейку» в формочку для песка Надию. Взяла ещё один камешек, совсем крошечный, и положила к остальным.

– А это кто? – дочь сразу же подняла взгляд.

– Горошинка, – ответила я и, встав, протянула ей раскрытую ладонь.

– Горошинка? – Надия пошевелилась, и галька зашуршала под её коленками. Дочь достала крошечный камень и придирчиво осмотрела его, положив на ладошку. Потом убрала все четыре в карман кофты. Наверное, решила, что он достаточно хорош, чтобы лежать вместе с остальными.

– Просто горошина, – помогла ей подняться.

Она задрала голову. Я улыбнулась. Пальцем коснулась кончика её носа, и она забавно поморщилась. Все говорили, что Надия похожа на меня. Наверное, так и было. Тёмные волосы, болотно-зелёные, с коричневыми крапинками глаза. Только взгляд в точности как у Алекса. В дочери я видела именно его: в каждой её улыбке, в том, как она хмурилась, слышала его смех в её. Желание стать в буквальном смысле единой с Алексом воплотилось в ней. Я могла часами смотреть на неё, когда она спала, когда бесстрашно играла с превращающимися рядом с ней в щенков доберманами, когда водила карандашами по бумаге.

– Папа опять будет занят? – дочь снова посмотрела на меня. Я держала её за руку, но вела к дому меня она.

– Папе нужно поработать, чтобы потом всё время быть с нами.

Дочь горестно вздохнула. Отпустила мою руку и побежала вперёд. Взлетела к двери и остановилась, нетерпеливо приплясывая на месте. Её пушистые волосы разметались по плечам, камни оттягивали кармашек тонкой шерстяной кофты. Дождавшись, пока я поднимусь, она потянулась к ручке двери, хотя знала, что

открыть сама её не сможет. Скользнула в образовавшуюся щель, как только я помогла, и бросилась в глубь дома.

Из кухни появилась горничная – совсем молоденькая девочка с копной рыжих волос.

– Накрывать ужин? – спросила она, увидев меня.

– Да, – я разулась. Хотела пройти в кухню, но передумала. – Алекс в кабинете?

Горничная оглянулась. В огромных карих глазах отражалась неуверенность, граничащая с испугом. Около двух месяцев назад я выкупила её из питомника и дала место под крышей нашего дома. Девочке едва исполнилось восемнадцать, когда мачеха решила от неё избавиться, а заодно и пополнить семейный бюджет. Родной отец против перспективы подзаработать не был. Робкая, тихая, Кира отлично подошла на роль кредитной карточки. Предательство, которое не забыть, не вытравить.

– Я сама посмотрю, – успокоила её, поняв, что она не знает.

Она боялась сделать что-то не так. Боялась, что я верну её обратно, словно не приглянувшуюся безделушку.

В прогретом за лето доме пахло деревом и ванилью. Мне нравилось, как проникающие сквозь окна розоватые солнечные лучи оставляют светлые пятна на ковре, как в них порой можно было различить пылинки. Нравились летние вечера, которые мы проводили в саду, и зимние – у камина в гостиной.

– Пойдём ужинать, – вошла я в кабинет.

Сидящий на углу стола Алекс поднял голову.

– Хватит работать, – подошла ближе и, забрав бумаги, положила рядом.

Оперлась на его бёдра и, дотянувшись, укусила за подбородок.

Быстро отступила, не дав Алексу прижать меня, и прошлась языком по своим губам.

– Ужинать, говоришь, – хмыкнул муж. На щеке его появилась ямочка. Медленно встал и, прищурившись, двинулся ко мне.

– Тебя уже даже Надия потеряла, Алекс, – с лёгким укором сказала я.

Его ладони оказались на моей заднице. Я выразительно глянула на него. Поднялась на носочки и почти коснулась губами его губ.

– Сделай милость, составь нам сегодня компанию, – шепнула и, пока он не успел опомниться, убрала его руки. У двери ещё раз посмотрела через плечо.

Алекс так и стоял посреди кабинета, расставив ноги на ширину плеч. Солнце светило ему в спину, создавая вокруг него ореол. То ли неуязвимости, то ли божественного сияния. Хрен поймёшь. На лицо падала тень, и щетина казалась темнее, чем есть.

Чертовски хорош мерзавец! Он сунул большие пальцы в петельки на поясе джинсов. Ямочка на щеке стала заметнее.

– Мы тебя ждём, – сказала строго, стараясь не реагировать на щекочащее чувство внизу живота. На нём были потёртые светлые джинсы и белая, немного мятая футболка, подчёркивающая бронзовый загар. Прядь выгоревших на солнце волос падала на лоб. Уголок его рта дёрнулся. Вот же сволочь!

Когда-то я была мёртвой. Думала, что больше уже не смогу чувствовать, мечтать. Моё тело было пустым, душа – исполосованной и вымазанной грязью. Этот мужчина сделал невозможное. Он воскресил меня, заполнил пустоту и вернул мне меня же саму. Я танцевала для него на борту яхты у берегов Майорки. Моё шёлковое платье прибывало к ногам солёным ветром, в небе кричали чайки, а плечи целовало солнце. Мы останавливали наши байки посреди дороги только затем, чтобы, сняв шлемы, столкнуться языками в голодном поцелуе. Мы уходили с приёмов и снимали номера в дешёвых мотелях. И даже выложенная белым мрамором уборная в Доме правительства нам была по нутру больше, чем президентский банкет.

Алекс был моим безумием, я – его волчицей. Он – моим воздухом, я – его музой. Он был моим, я – его. И, глядя на него, стоящего в лучах солнца, я знала: так будет до последнего моего вздоха. Я буду принадлежать ему, он – мне.

Сидя на подоконнике в детской, я смотрела на красноватую луну. Похожая на большое выпуклое яблоко, она, казалось, вот-вот скатится с чёрного полотна неба, придавив собой посмевавшие преградить ей путь звёзды. Когда-то я слышала, что такую луну называют кровавой. Чем дольше я смотрела на неё, тем сильнее мной овладевала тревога.

Я потёрла запястье и, заставив себя отвести взгляд от окна, посмотрела сквозь царящий в детской мрак на Надию. Изголовье её кровати украшало корабельное рулевое колесо, с которого свисала плюшевая змейка. Как и я, она любила море. Любила бегать у кромки воды и ловить солёный ветер. Она любила блеск усыпанных камнями заколок в своих волосах и джем из собранных в саду нашего дома на побережье персиков. Но больше всего она любила Алекса. Как и я.

Поняв, что опять обхватила запястье, я отругала себя. Дурацкая, сродни инстинкту привычка, избавиться от которой у меня так и не получилось. Встала с подоконника. Порой, когда Алекс уезжал, я могла просидеть так до утра.

– Никогда ничего не бойся, – шепнула я, склонившись над постелью. – Мама-волчица загрызёт за своего волчонка любого. А уж папа... Папа у нас даже не волк. Он у нас барс. Большой снежный барс.

Тихонько улыбнулась собственным словам. Вдохнула сладковатый запах детского шампуня и, не удержавшись, прикрыла глаза.

– Как же я тебя люблю...

Сделала ещё один вдох и бесшумно вышла в коридор. Дом был погружён во тьму безветренной, пугающей своим спокойствием ночи. Только около нашей спальни тускло горел светильник.

Спустившись на первый этаж, я прошла в кабинет. Алекс всё ещё занимался бумагами.

- От работы кони дохнут, - я села на угол стола возле мужа.

Потянулась к бумагам, но Алекс убрал их.

- Подожди, Стэлла, - бросил он.

Я посмотрела на него с вопросом. Подвинулась ближе и снова попыталась взять документы. На этот раз Алекс убрал их в ящик. Не знаю, что уж там стряслось, настроение его мне не нравилось. Встав, он взял бутылку виски и плеснул в низкий, с толстыми стенками стакан.

- У тебя проблемы?

Хмурясь, Алекс рассеянно вернул бутылку на место. Подошёл к окну и, отдёрнув штору, встал напротив. Мне был хорошо виден его чёткий профиль. В чертах лица читалась неясная мне ожесточённость.

- Луна кровавая, - вдруг сказал он, стаканом указав на небо.

- Что у тебя случилось, Алекс?

- Да так, - цедя виски, бросил нехотя и, только я хотела подойти к нему, обернулся.

Мне точно не показалось. Во взгляде его была мрачная решимость, заставившая меня опять почувствовать тревогу. Верхняя губа его почти незаметно дёрнулась.

- Ты собрала вещи? - он залпом допил виски и, вернувшись к столу, поставил стакан.

- Спрашиваешь так, словно мы на месяц уезжаем.

Не ответив, он откупорил бутылку. Передумал и поставил на стол рядом со стаканом. Я посмотрела на неё, потом на мужа. Луна по-прежнему таращилась в окно. Повисающее между нами молчание было пропитано напряжением и недосказанностью, которые мне совсем не нравились.

Муж подошёл вплотную. Мои колени упёрлись в его бёдра. Он обхватил меня за шею и потихоньку сжал. Надавил бедром, заставляя раздвинуть ноги.

– Возьми чёрное платье, – положил ладонь мне на ногу и повёл вверх. – В котором ты голая по самую задницу.

– Тебе же оно не нравится, – я поддела петельку на его джинсах пальцем.

– Мне не нравится, когда ты надеваешь его для кого-то кроме меня.

– А когда я надеваю его для тебя, нравится? – понизила голос до томного шёпота. Запустила пальцы в его волосы и потянула на себя. – М-м?

– Больше всего мне нравится, когда ты для меня раздеваешься, – поглаживая меня по шее вдоль позвонков. Дразня, поддел мою губу, тронул нос своим.

Я усмехнулась, ловя поцелуй. Обхватила его шею второй рукой и откинулась назад, утягивая Алекса за собой.

Он резко упёрся ладонью в столешницу возле меня. Послышалось шуршание полетевших на пол бумаг. Глядя на меня сверху вниз, он пальцами очертил мой рот, с нажимом провёл между губами. Я поймала кончик, коснулась языком. Алекс сунул палец глубже, и я обхватила его, слегка посасывая. Смотрела на мужа из-под опущенных ресниц. Стремительно расширяющаяся чернота зрачков поглощала серебро радужки, вена на виске вздулась.

Взяв его руку, я облизнула указательный палец и, выпустив, взяла в рот средний. Прижала зубами самую подушечку, медленно провела языком.

– Стерва, – рыкнул Алекс и толкнул палец глубже. Назад и вперёд, потираясь о меня бёдрами. – Свалилась же ты на мою голову...

– Кто на чью голову ещё свалился, – положила его руку себе на грудь.

Алекс понял, чего я хочу и тут же принялся потирать мой сосок. Я выгнулась, прикусила губу и тихо застонала. Как же хорошо... Склонившись, он стал ласкать сосок ртом прямо через тунику. Вобрал и запорхал вокруг языком. Этого

было достаточно, чтобы тепло снизу живота поднялось по всему телу.

Меня охватывало огнём. Стиснула пряди его волос до ломоты в пальцах и толкнула вперёд, заставляя прижаться ещё ближе. Он больно прихватил сосок зубами, рыкнул и начал втягивать яростнее, глядя меня по ноге до колена. Сжал чашечку, и я несдержанно застонала. С нажимом он вырисовывал узор вьюна на моём бедре. Добрался до пояса и дёрнул легинсы вниз.

– Алекс, – проныла, когда он, оставив в покое сосок, взял меня за голень. – Можно обойтись и без этого.

– Можно, – он отодвинул в сторону трусики. Потрогал, не проникая внутрь. Провёл по складкам плоти и, глядя мне в глаза, облизал пальцы.

Я надрывно вздохнула. Алекс скривил губы в снисходительной ухмылке. Одной из тех, которые я ненавидела, одной из тех, коими он показывал свою власть надо мной.

До конца стянув мои легинсы, бросил их на пол. Моя пятка оказалась в его ладони. С нажимом он погладил меня возле щиколотки. Я дёрнула ногой.

– Можно, – повторил он и, крепко держа мою стопу, тронул губами подушечку у большого пальца. – Но у тебя слишком хорошие ножки, чтобы их игнорировать.

Я застонала. Мелкими влажными поцелуями он добрался до мизинца и укусил. Гладил впадины по обеим сторонам от лодыжки и ласкал языком.

Попавшийся под ладонь лист захрустел, превратился в комок. Я мяла бумагу, изнывая от желания чувствовать ещё острее. Этот мерзавец давно изучил все мои слабые точки и пользовался этим без зазрения совести.

Какая там совесть?! С лёгкостью фокусника он заставлял меня до крови прикусывать губы и дрожать, извиваясь перед ним, а сам наблюдал едва ли не с садистским удовольствием.

– Это был договор на разработку нового месторождения, – Алекс добрался до большого пальца и прихватил зубами подушечку. – Важный договор, – прикусил

сильнее и подул.

- Подпишешь новый, – бумажный комок отлетел в сторону.

Я запрокинула голову, ударила ладонью о столешницу. Боже!

Если Алексу играючи удалось оживить меня, починить то, что казалось безвозвратно сломанным, как я могла игнорировать его сейчас?! Он обрисовал косточку на щиколотке. С одной стороны, с другой и, согнув, заставил меня упереться ногой в край стола. Только он склонился, чтобы поцеловать, я ухватила его за горловину футболки.

- Если ты возьмёшь в Испанию хоть одну из своих бумажек, – горячо прошептала ему в губы, – я выкину всё за борт, ясно тебе?

- Вполне, – он принялся задира́ть мою тунику. Добрался до груди и опустил тонкую чашечку бюстгалтера, ущипнул за сосок и поймал голодным ртом мой вскрик.

Его рычание растворилось в поцелуе, выдох стал моим вдохом. Алекс мял мою грудь, спиралью водил по ореолу соска. Снизу вверх провёл до кончика, нажимая сильнее, и раскрутил спираль в обратную сторону.

- Ты слишком одетый, – я дёрнула его ремень. Алекс мазнул губами по шее. Как из другой реальности до меня донеслось гудение. Кому там приспичило посреди ночи?!

- Только попробуй, – рванула вниз собачку на ширинке Алекса.

Телефон продолжал вибрировать, действуя мне на нервы. Кто бы там ни был, ему придётся подождать.

- Я бы попробовал, но... Чёрт, – он заурчал, голос стал сиплым в момент, когда я сунула ладонь в его боксёры и обхватила большой твёрдый член.

В голос застонала, чувствуя его мощь. Обвела головку большим пальцем и облизнула губы, всем своим существом желая почувствовать его внутри.

Телефон заткнулся, но не прошло и десяти секунд, как снова начал действовать на нервы.

– Мне нужно ответить, малышка, – прохрипел Алекс. – Это может быть важным.

– Только попробуй, – обхватила его всей ладонью и провела по всей длине. Пальцами пробежалась по набухшей вене и, вернувшись к головке, очертила её. На самом кончике выступила капля. Я стёрла её, изнемогая от желания сделать это не рукой – губами, почувствовать во рту вкус Алекса. Громко и несдержанно застонала, второй рукой дотронувшись до своей груди.

Алекс чертыхнулся. Схватил меня за запястья и припечатал руки к столу. Пронзительный взгляд: расплавленное серебро с грозowymi всполохами, окружающее бездну расширенных зрачков.

Одно движение навстречу.

Мои руки сжались в кулаки, я вскрикнула и выгнулась. Он взял меня с хода, без расшаркиваний, натянул до предела. Тщетно пытаюсь выкрутить руки, я ловила его толчки. Развела ноги шире и обхватила его. Скрестила лодыжки и подалась навстречу, приподнимая бёдра в такт его проникновениям в меня.

Его губа дёрнулась. Телефон опять умолк и загудел.

– И эту дрянью я тоже отправлю за борт, – совершенно искренне пообещала я сиплым выдохом.

Алекс ругнулся, отпустил мои руки и подхватил меня под коленками. Чуть ли не пополам сложил. Дыхание его было хриплым, ненормальным. И сам он тоже был ненормальным. И я... Я тоже была ненормальной. Схватила его за футболку, нашла губы.

В окне мелькнула луна. То ли она всё-таки свалилась, то ли это мой собственный горизонт пьяно шатало из стороны в сторону.

Алекс хаотично гладил меня по бёдрам. Вошёл и остановился, опаяя тяжёлым дыханием лицо.

- Ещё, - выдохнула я.

Он медленно двинулся назад. Его член выскользнул из меня, и он, взяв его в руку, провёл головкой по влажной, раскрытой перед ним плоти.

Ноги мои свисали с края стола, тело осатанело ныло. Я провела ладонью по животу и сжала грудь. Опустила вниз лямку бюстгалтера, снять который Алекс так и не удосужился. Он надавил членом, вошёл на считанные миллиметры и подался назад. Мне хотелось большего, но только я тронула низ живота, Алекс отбросил мою руку.

- Ненавижу тебя, - запустила пальцы в его волосы одновременно с тем, как он оказался внутри. Первая робкая волна теплом пробежала по телу до самых кончиков пальцев. - Ненавижу, Аверин. Ты...

- А я тебя люблю, Волчонок, - он начал мощно врезаться в меня.

Растягивая, насаживая на себя, впрыскивая в кровь новые и новые порции горячего, сладкого яда. Первую волну заглушила вторая, красное яблоко завертелось вместе с бриллиантами звёзд. Я лизнула его губу и, больше ничего не соображая, повалилась на стол. Тепло, уханье совы, красное марево...

Алекс хрипло застонал, запрокинул голову. В последний момент вышел и толчками выплеснул сперму мне на живот. Стоял между разведённых ног и смотрел на меня, поглаживая себя. Даже опавший, член его был внушительным. На безымянном пальце красовалось широкое обручальное кольцо. Всё это я видела сквозь дурманящую пелену.

Меня било дрожью, живот ныл. Тепло... Тепло и свободно. Равно так, если бы я была раскинувшей в небе крылья птицей, если бы я на безумной скорости гнала байк под раскалённым солнцем к горизонту, и встречный ветер хлестал бы меня по щекам, трепал волосы.

Я коснулась живота. Растёрла вязкую сперму и лизнула руку.

- Ты вкусный, - провела по шее.

Желание сказать ему здесь и сейчас о беременности было огромным. Нет. Раз решила в Испании, значит, в Испании. Всего пара дней осталась.

Алекс взял мою выпачканную его страстью ладонь. Втянул носом у запястья, поцеловал пульсирующую венку и потянул меня за руку, заставляя сесть. Коснулся моих волос и вдохнул уже у виска:

- Ты тоже, - сцеловал выступившую на виске испарину. - И сексом пахнешь.

- Главное, чтобы сексом не пахли твои бумаги, - я тронула губами его горло. Почувствовала усмешку. Врывающийся в кабинет ночной воздух холодком прошёлся по влажным телам, и я вздохнула. Меня наполняла приятная расслабленность. Всё бы ничего, если бы не в который раз завибрировавший телефон. Похоже, кто-то хотел моего мужа чуть ли не сильнее меня.

- Прости, - он выпустил меня. Взял трубку и нахмурился. - Да, - ответил резко.

Только лёгкая хрипотца выдавала, чем он был занят минуту назад. Но вряд ли тот, кто звонил ему, смог бы понять это.

Встав, я подняла леггинсы и кинула их на стол. Взяла стакан и налила немного виски. Алекс хмурился, слушая говорившего.

- У меня другие планы... Нет...

Я отошла к окну. Нет, всё-таки это шатался мой собственный горизонт. Луна была на месте.

- Хорошо, завтра, - сказал Алекс, и в кабинете наступила тишина.

- Что у тебя завтра? - я пригубила виски.

- Ничего, - он забрал стакан. Допил одним глотком и швырнул на подоконник. - Это не важно. Важно, что у меня сегодня.

- И что же у тебя сегодня?

– Сегодня у меня ты, – сказал, задирая тунику на моих бёдрах. Он снова хотел меня. Его пах был твёрдым, опавший было член упирался мне в живот.

Я взглянула на часы на стене, снова на мужа.

– Сегодня это то, которое закончилось или то, которое началось?

– Да хрен его знает, – бросил он и накрыл мой рот своим, одновременно с этим подсаживая меня на подоконник.

Глава 2

Стэлла

Сквозь сон я слышала, как Алекс потянулся к тумбочке, как процедил что-то неразборчивое сквозь зубы и встал. Перед этим он невесомо, почти не дотрагиваясь, коснулся моих волос, втянул носом воздух у моего виска. Спала я всегда чутко, и эта ночь не была исключением.

Пока в ванной шумела вода, я лежала, глядя на собственное отражение в зеркале над постелью, и не могла отделаться от ощущения, что происходит что-то странное. Раннее утро разогнало ночную тьму, небо окрасилось в прозрачно-голубой, но тревога не исчезла. Нежно-кофейная простынь складками собралась у бедра, напоминая о ночи и её откровенности. Я была совершенно голая. Рассматривала себя и пыталась нащупать ниточку, способную привести меня к моменту, когда оно появилось впервые.

– Нить Ариадны, ё-моё, – начиная сердиться на саму себя, шепнула я.

Отражающаяся в зеркале девушка шевельнула губами. Я засмотрелась на неё, ища, к чему бы придраться. Потянулась всем телом, раздумывая, не составить ли компанию Алексу. Шум воды в ванной был соблазнительным, как и перспектива разделить с Алексом душевую. Но что-то остановило меня. Вскоре стих и шум воды.

Повернувшись на бок, я прикинулась спящей, сама же из-под ресниц разглядывала широкие плечи, спину и крепкие ноги мужа, пока он, стоя у шкафа, доставал свежую одежду.

– Я всё знаю, – он вдруг повернулся. Кинул джинсы на стул и скривил уголок рта.

Пришлось признать собственный провал. Алекс лениво подошёл ко мне, и я, подтянувшись к краю, обхватила его шею.

– Мог бы сделать вид, что не знаешь, – шепнула ему в губы и ответила на поцелуй. Прикрыла глаза, наслаждаясь теплом и исходящим от мужа запахом свежести. – Твоя задница лучше любой эротической фантазии.

– Моя задница не идёт ни в какое сравнение с твоей.

У меня вырвался тихий смешок. Алекс отступил, и я легла обратно, теперь уже на его подушку.

Надев джинсы, он взял рубашку и, как был обнажённый по пояс, вышел на балкон. Встал у перил и положил на перекладину обе ладони. Простояв так с минуту, вернулся в спальню и, не задерживаясь, направился к двери.

– Хочешь, я сама приготовлю завтрак?

– Нахрена ты будешь готовить завтрак, когда твой лемур не выходит из кухни.

– Она не лемур, – возразила я с улыбкой. Поймала взгляд Алекса. Конечно, он всё понимал. Понимал страх Киры, понимал, почему я взяла её к нам. Благодарная ему за всё, что есть, тихонько вздохнула.

– Так что?

– Не надо ничего готовить, Стэлла. Ко мне сейчас приедет важный человек. Понятия не имею, сколько это займёт времени.

Я нахмурилась. Ещё и восьми утра не было.

– Что за человек? – оставшаяся после сна расслабленность прошла. Я приподнялась на локте, пристально глядя на мужа. – Ты что-то недоговариваешь, так?

На его губах появилась кривоватая улыбка. Вместо того, чтобы ответить, он снова подошёл и, обхватив за шею, подволок меня. И опять поцеловал. Только теперь глубоко, с чувством.

– Так кто там к тебе должен приехать?

– Глеб, – сказал Алекс, отпустив меня.

– Глеб? – нахмурилась, пытаюсь вспомнить, кто это. – Что ещё за Глеб?

– Да так, – пренебрежительно поморщился он и, оставив меня догадываться самой, вышел в холл.

Я подтянула к себе ноги. Села, придерживая одеяло под грудью. Что за тайны такие?! Просидела минут десять, мысленно подпिनывая себя к ванной, хоть никакого толка от пинков не было.

Неожиданно Алекс снова появился в спальне. Уж не знаю, куда он дел футболку, с которой вышел, – на нём её не было. Вместо неё он держал поднос.

– Подумал тут... – поставил его на постель и сам сел рядом. – Пять минут у меня ещё есть. – Он подал мне чашку с кофе и кусок мясного пирога.

– И всё-таки, что за Глеб, Алекс? – спросила с подозрением, беря чашку. – Я его знаю?

– Возможно, – отозвался он и отхватил от своего куска. – Чёрт, ты меня укатала сегодня, – схватил ногу и положил к себе на колени. Погладил лодыжку вначале с нажимом, потом нежно и скинул обратно на постель, процедив сквозь зубы «от греха подальше».

Вместо того, чтобы принять душ, я наполнила ванную. Добавила несколько капель эфирных масел и, забравшись в воду, блаженно откинула голову на удобный бортик.

– Перестань, Стэлла, – сказала вслух, поймав себя на том, что опять пялюсь в потолок. На этот раз самый обычный. Если, конечно, можно считать обычным потолок ванной, зеркало над раковиной в которой украшено бриллиантами.

Согнула в колене ногу, и душистая вода колыхнулась у груди. Коснулась ключиц, провела вниз до живота и плавно обрисовала пупок. Погладила ещё ниже. Закрыла глаза и вдруг чётко представила себе момент, когда скажу Алексу. Как, где и когда. На берегу Средиземного моря, в лучах закатного солнца. Представила парящих над водой чаек, ожидающие нас в стороне байки и песок под ногами. Шепчущие о вечном волны и поигрывающий с волосами ветер Майорки. Но самое главное – взгляд Алекса. Его молчание и прикосновение рук. Его поцелуи и гортанное рычание у себя над ухом. Рокот в его груди...

Сама не заметила, как ладонь с живота опустилась к лобку. Облизнув губы, я коснулась себя. Раздвинула складки плоти, погладила у самого входа и тронула клитор. Второй ладонью обхватила ноющую грудь и потихоньку сжала. Погладила сосок. Мягко ласкала себя и представляла, как муж смотрит на меня, как серебристую сталь его глаз пронизывают тёмные всполохи.

– М-м-м, – застонала, шире разводя ноги.

Алекс не просто починил меня. До него я могла доставить удовольствие любому мужчине, знала об этом всё, но, что оно в сущности такое, не имела даже слабого представления. Прикосновения вызывали отвращение, собственное тело было источником боли и унижений, сама я – инструментом убления тех, кому меня швырнут в ноги. А теперь...

Сильнее откинула голову. Маленькие лампочки превратились в звёзды, с каждым прикосновением живот стягивало всё сильнее. Вода плескалась у локтя, у груди, запах эфирных масел будоражил сознание. Коленки ныли, соски стали совсем твёрдыми. Я надавила на клитор, и удовольствие зашкалило за грань разумного. Ещё немного...

– Да, – слетело с моих губ. – Да...

На смену достигшему апогею напряжению пришла чувственная агония, за ней – расслабленность. Я порывисто выдохнула и, не сдвигая ног, погрузилась в воду по самую шею.

Лучше могло быть, только если бы мы сделали это вместе с Алексом. Если бы сейчас я сидела, откинув голову ему на плечо. Но раз уж у него с самого утра такие важные дела... Что бы он там от меня не скрывал, мне это было не по душе. Но я заставила себя отбросить всё это.

– Какая разница, – повернувшись на бок, я нашла своё отражение в зеркале над раковиной, в уголке которого бриллиантами переливалась окружённая вензелями буква «А». Когда-то в нём отражалась отчаянно хватающаяся за жизнь тень без прошлого и будущего. Мечтающая быть хоть кому-то нужной и боящаяся признаться в этом даже самой себе дворняга. Я никогда не боялась зеркал, потому что зачастую они были правдивее людей. Изменилось ли во мне что-то? Да. Но перемены эти произошли только благодаря Алексу. Если бы не он, я бы так и осталась всего лишь сломанной игрушкой, пусть даже знали бы об этом одни только зеркала.

Зайдя в кухню, я наткнулась на Киру. В её распахнутых глазах читался откровенный испуг. Не так уж Алекс был далёк от истины, сравнив её с лемуром.

Доброе утро, Стэлла Эдуардовна, – она засуетилась. Включила кофемашину. Поправила и без того идеально отглаженный фартук. – Надия позавтракала. Съела почти всю кашку и...

– Что случилось, Кира? – заметив, как у неё подрагивают руки, перебила я.

Насколько мне известно, в питомнике с ней не успели сделать ничего страшного. Только несколько раз показывали клиентам. Что это могли быть за показы, я знала на собственном опыте. Для того, чтобы вывернуть душу, не всегда нужна сила.

В самый первый вечер Кира, захлёбываясь слезами, призналась, что её заставили голой танцевать на столе перед стаей зажравшихся ублюдков. Дальше дело не зашло, но, что она пережила, догадаться было не трудно. Я

только и могла стискивать зубы. Моя бы воля, взяла бы ствол и, не колеблясь, выстрелила бы в каждого.

Девчонка застыла. Из пальцев её выскользнула серебряная ложечка и со звоном упала на поднос. Я проследила за её взглядом.

– Кто приехал к моему мужу? – спросила резко.

– Вы... Вы разве не знаете? Там...

Из коридора слышались голоса. Один из них принадлежал Алексу, второй был мне не знаком. Горничная стала совсем бледной. Мелькнувшая догадка мне не понравилась.

– Это кто-то из тех, кому тебя показывали в питомнике? – я подошла к ней и, взяв за руку, заставила посмотреть на себя.

Она отрицательно качнула головой.

– Неужели Александр Викторович Вам не говорил? Там... – прежде, чем она успела ответить, задняя дверь приоткрылась. Медленно, поцокивая по кафелю когтями, в кухню вошёл огромный чёрный доберман. Широко зевнув, он приблизился ко мне и, обнюхав ногу, прижался боком. Ткнулся носом в ладонь и лизнул пальцы. Кира сжалась.

– Его надо убрать, – затараторила она.

– Бонду можно гулять, Кира. Я же тебе говорила.

– Нет, Вы не...

Голоса стали ближе. Я обернулась как раз в тот момент, когда Алекс и его гость появились в кухне.

Вот чёрт! Само собой я схватила пса за шипастый ошейник. Бонд был единственным из пяти доберманов, которому разрешалось свободно ходить по территории в любое время. И всё-таки Кира была права. Вряд ли кому-то

понравилось бы, если бы это адское отродье сожрало нашего президента.

– Кира, сделай два крепких кофе и принеси в кабинет, – распорядился Алекс и вернулся к прерванному разговору.

Вид натянувшегося при виде чужака пса президента не смутил. Поздоровавшись со мной сдержанным кивком, он ответил моему мужу, и они пошли дальше.

– Что ему тут нужно? – спросила я скорее саму себя. Кто-кто, а девочка из питомника ответа на этот вопрос дать не могла.

Чашки зазвенели у неё в руках. Родом Кира была из крохотного посёлка. Всё, что она видела в своей жизни, – коровьи хвосты и пропитую рожу собственной мачехи.

– Давай я помогу, – забрала я у неё кофе. – Кира, Глеб Акулевский – такой же человек, как и все остальные.

– Ничего себе такой же... – с придыханием отозвалась она. – Я как увидела его, думала, умру.

– Вряд ли ему бы это польстило, – я заправила кофемашину.

Бонд так и крутился рядом, дожидаясь ласки. Я погладила его ещё раз и жестом велела лечь в углу. С улицы донёлся голос Надии, а ещё через секунду дочь влетела в кухню.

Кира расслабилась. Наконец я увидела на её губах улыбку. Видимо, представила, как замертво падает к ногам Акулевского. Я улыбнулась в ответ. Она одна из. Сколько ещё таких – напуганных, беззащитных девочек. Сколько было и сколько будет? И когда всё это закончится?! Когда сдохнет последняя гнида, промышляющая жизнями слабых? Сколько бы я ни успокаивала себя тем, что спасти всех невозможно, не помогало. Когда-нибудь эта грязная система похоронит сама себя. Когда-нибудь каждый из грязной смрадной цепочки получит своё. И я сделаю всё, чтобы этот день наступил как можно скорее. В память о своём отце. В память о своей матери и о девочке со светлыми волосами, чей мёртвый взгляд навсегда остался в моём подсознании. Я смогла

получить свободу, она – нет. Ей было всего двенадцать...

– Мама, а когда мы поедem? Я хочу покататься на яхте. И ещё... Папа говорил, что мы будем кататься на пони. А кто такие пони, мам?

Надя была доказательством. Моим личным торжеством жизни над смертью. Заговорив, она вернула меня в настоящее и вместе с тем одним своим появлением напомнила, ради чего всё. Ради того, чтобы у каждой девочки из питомника появился шанс на такое вот торжество.

– Пони, – я взяла из вазы яблоко. Только вчера Милана дала мне их целую корзину – свежих, сладких и кисловатых, красных и зелёных. – Это такие маленькие лошадки. Тебе разве папа не рассказал?

Я разрезала яблоко на несколько долек и протянула одну дочери. Вторую откусила сама.

– Рассказал. Но я не поняла. Папа ничего не умеет рассказывать. Мам, а когда мы будем кататься на пони? Когда мы поедem?

– Завтра, – я наконец села за стол. Две чашки кофе были уже готовы, и Кира поставила вариться третью – для меня. Отрезала толстый ломоть сыра.

Поставив на поднос молочник и сахарницу, Кира взялась было за салфетки. Но не успела она положить их, Алекс снова появился в кухне. Не зашёл, только осмотрел нас всех.

– Самолёт будет готов через три часа, – выговорил он, остановив взгляд на мне. – Собери всё, что тебе нужно, Стэлла. Планы поменялись. Мы вылетаем сегодня.

Стоя на балконе, я проводила взглядом последнюю из пяти чёрных иномарок президентского картежа. После произошедшего около двух лет назад покушения Глеб Акулевский усилил охрану. Его и прежде-то всегда сопровождала свита, теперь эта свита стала ещё многочисленнее.

Но куда больше президентских шакалов меня волновало, что за дела у него с моим мужем. Почему, чёрт возьми, Алекс на ходу меняет планы, если дату вылета мы обговорили ещё пару недель назад?! В конце концов, на этот вечер у меня была запланирована встреча с одним из спонсоров благотворительного фонда «Не одна». Так какого лешего я должна отменять её?!

Зад последней машины мелькнул у ворот, шорох шин затих, однако к раскуроченному чемодану возвращаться я не торопилась. Алекс и Денис разговаривали, стоя у фонтана. Много бы я дала, чтобы знать, о чём.

Муж посмотрел на дом. Нет, не на дом – прямо на меня. Я поджала губы и сложила руки на груди, различив его прищур. Бонд грелся на дорожке возле каменной лавочки. Шипы на его ошейнике отливали серебром, как и глаза Алекса, и в этом было нечто до мурашек схожее, предопределяющее.

– Я не хочу, мам! – с возмущённым возгласом влетела в спальню Надия.

Пришлось закончить и с наблюдением за происходящим во дворе, и с мыслями. Я перевела взгляд с дочери на появившуюся вслед за ней няню. Спрашивать не стала, только посмотрела с вопросом. Девочкой она была толковой – поняла меня без слов. Её я тоже взяла из питомника сразу после рождения Надии.

Увы, хоть в последние годы Правительство сделало довольно много, чтобы остановить беспредел, пропадать девочки не перестали. И торговать ими тоже не перестали, несмотря на то, что теперь это было вне закона.

– Стэлла Эдуардовна, – няня показала мне платье, – я хотела положить это, но Надия хочет вот это, – показала второе. Лиловое, с крупными цветами. Всё бы ничего, если бы не дыра размером с пару монет на боку.

Для наглядности няня, состроив весьма выразительную гримасу, развела её пальцами.

– Ты в драном будешь ходить? – обратилась я к дочери. Та закивала. – Клади то, которое она хочет, – велела я. – Хочет сверкать дырками и собственной попой – пусть сверкает.

Надя было успокоилась, поняв, что своего добила, но насладиться победой ей не дала.

– Только гулять мы с папой будем без тебя. Хочешь позориться – позорься. Ни мороженое есть, ни в парк я тебя в этом не поведу.

Я принялась разбираться в собственном чемодане. Ничего не сказав, дочь с ногами залезла на постель и вытянула из стопки одежды чехол с чёрным шёлковым платьем. Задрала край и погладила тонкую, струящуюся ткань. Поёрзала и взяла мой бюстгальтер. Больше всего её заинтересовало сердечко между чашечек.

– Так что, класть это? – подала голос няня.

– Решай всё с Надией. Что скажет, то и клади. Она же у нас всё знает.

Надя украдкой посмотрела на меня. Я поймала её взгляд и кивком показала на дверь.

– А если я другое возьму, мы пойдём в парк? – слезла дочь на пол, но от меня не отошла. Взялась за край чемодана.

Я уложила внутрь чехол с шёлковым платьем.

– Если ты не уделаешь и его, пойдём. А вообще, Надь, у меня иногда возникает чувство, что ты не девочка, а...

– А кто?

– Кто-кто, – к собранным вещам отправились туфли, за ними – джинсы и кеды. – Чертёнок, причём без юбки, вот кто.

– Есть в кого, – вошёл в спальню Алекс.

Надя взвизгнула, когда он, подняв на руки, подбросил её чуть ли не до самого потолка. Ухватил за нос пальцами и лязгнул зубами. Надя засмеялась, пытаясь убрать его руку. Улыбнулась и тоже изобразила хищницу.

– Давай беги собираться, – поставил он её на пол.

– Мама сказала, что, если у меня будет дырка, вы не возьмёте меня в парк! – выпалила она возмущённо. – Па-а-ап!

– Правильно тебе мама сказала.

Ожидавшая, что отец пойдёт у неё на поводу, Надия выглядела разочарованной. Алекс шлёпнул меня по заднице. На мой укоряющий взгляд ему было плевать, как и на стоящую в паре метрах от нас няню.

Та поспешила забрать Надию. Времени, действительно, оставалось всего ничего, и, хотя при необходимости всё нужное можно было докупить на месте, упустить что-нибудь важное мне не хотелось.

– Что за спешка, Алекс? – стоило нам остаться одним, со вздохом спросила я. – Что от тебя нужно Акулевскому? И не надо говорить мне, что он проезжал мимо и решил завернуть на чашечку кофе.

Алекс взял у меня майку, которую я собиралась вернуть в шкаф, и, не глядя, кинул в чемодан. Положил ладонь мне на спину. Его пальцы оказались на месте, где остались чуть заметные следы от двух предназначавшихся ему пуль. Он поглаживал мою спину, пристально смотрел в глаза.

Вопросы застряли в горле. Я отвернулась и отошла от него. Заправила за ухо прядь отросших почти до плеч волос и, плохо соображая, что делаю, убрала в кармашек внутри чемодана флакон духов.

Алекс некоторое время молча смотрел на меня. Потом взял за руку, останавливая.

– Помнишь тот день, когда Вандор подарил тебя мне? – спросил он.

Я помнила, хоть это было не самым приятным из того, что хранила сука-память. Справедливости ради, и не самым неприятным.

– Тогда я думал, что трахну тебя пару раз, и всё на этом. А вышло, что вышло. Никогда не забуду, как ты дала дёру на заправке.

– Это ты вообще к чему? – я подняла голову. Не понимала, куда он клонит.

Алекс мотнул головой. Затея с поездкой внезапно перестала казаться мне заманчивой. Я уже собралась было предложить ему переиграть. Отложить на неделю-другую. Месяц, если нужно. Но мне так хотелось сказать ему про Горошинку. И сказать именно там, на нашем пляже, под нашим солнцем, у нашего моря. Да и Надия...

– Что бы ни случилось, Стэлла, ты принадлежишь мне. И будешь принадлежать мне.

– А что-то должно случиться? – насторожилась я сильнее. Все эти разговоры мне не нравились. При чём не нравились больше и больше.

– Алекс, давай отложим, – всё-таки решилась я. – Майорка может подождать.

– Не может, – решительно ответил он и сгрёб остатки одежды в чемодан. Захлопнул крышку и, заставив меня подойти, обхватил шею. Посмотрел в глаза и повторил уверенно, жёстко. – Не может, Стэлла.

Ответить я не успела. Первое же слово растворилось в поцелуе. Наплевав на всё, я отозвалась на призыв, на ласку. Поглаживала волосы, легонько царапая его шею.

– Если ты не прекратишь, – шепнула в коротком, только ради вдоха перерыве между поцелуями, – вылет придётся отложить.

– Я бы с удовольствием, – он мазнул губами по моим в последний раз. – Но с полосой какие-то сложности, – кивнул на мой чемодан. – У тебя пять минут. Не забудь про платье.

По пути в аэропорт мы молчали. Даже Надия задремала, положив голову мне на колени.

– Ты странный сегодня, – стараясь не нарушить сон дочери, сказала я Алексу, когда он, обняв за плечи, прижал меня к своему боку.

Было хорошо, только почему-то грудь сдавливало от непонятого щемящего чувства. Так могло бы быть в пасмурный сырой день. Но на улице светило солнце, и не было даже намёка на то, что в ближайшее время его скроют тучи. Я повернула голову к Алексу. Внимательно посмотрела на него.

– Ведёшь себя так, будто видишь меня в последний раз, – сказала и всмотрелась в лицо мужа ещё внимательнее. – Алекс...

– Не говори ерунды, – он почти что огрызнулся. Погладил меня по плечу и поцеловал в макушку.

Действительно, ерунда. Мы слишком сильно вросли друг в друга. Сидящий за рулём Денис посмотрел на нас через зеркало заднего вида. Я давно привыкла к охране, но сейчас хотелось, чтобы все исчезли. Даже Дэн.

Надя пошевелилась, потёрла кулаком глаз и широко зевнула. Сонная, уткнулась в меня, подбирая под себя ноги.

– Просыпайся, – я тихонько потрепала её по голове, когда она опять закрыла глазки. – Мы почти приехали.

Мы и правда почти приехали. Внедорожник уже катился по взлётному полю к серебрящемуся вдаль самолёту. Чем ближе мы подъезжали, тем яснее становились его очертания. Подогнанный трап служил приглашением подняться на борт, и я наконец сумела отогнать дурные мысли. Лето было трудным. В самом его начале стало известно о нескольких девушках, найденных в намертво закупоренном контейнере в Грате. Двух из них спасти не удалось: они погибли от обезвоживания. Азиатки, которых по какой-то непонятной причине так и не доставили заказчику. Примерно в то же время исчезли несколько воспитанниц одного из детских домов. Потом нашедшаяся мать Миланы... Я до сих пор корила себя, что отпустила её на встречу одну. Интуиция подсказывала, что не спроста ей сказали, что мать умерла при родах. Лучше бы действительно умерла. Другое дело, почему она не рассказала Миле про отца? Но со всем этим можно было подождать до возвращения с Майорки.

Денис остановил внедорожник в нескольких метрах от трапа. Открыв дверцу, я выпустила Надию. Привыкшая к полётам, дочь каждый раз с интересом разглядывала самолёт.

– Это всё? – спросил Дэн, достав два чемодана – мой и ,едва ли не больше него, Надии.

– А твои вещи где? – я только сейчас заметила, что Алекс ничего не взял. Хотя чему удивляться? Всё, что нужно, есть на яхте.

Видимо, эта мысль отразилась у меня на лице, потому что вместо того, чтобы ответить, Алекс обхватил меня за талию. Ладонь его легла на мой живот, и я испытала необъяснимое, сродни мощному эмоциональному оргазму блаженство. Так же было, когда я носила под сердцем Надию.

Инстинктивно накрыла его руку своей и на миг прижала. Алекс поцеловал меня в шею. В мочку уха и за ней. В скулу и в уголок рта. Потёрся щекой о мою щёку.

– Идите с Надией в самолёт, – подтолкнул меня к трапу. – Мне нужно дать Дэну кое-какие распоряжения.

Поздоровавшись с пилотом, я стала подниматься на борт. Ступеньки были крутыми, и я крепко сжимала ладошку Надии.

– Надька, – не зря, как чувствовала. Дочь ковырнулась на верхней. – Прекрати вертеться!

– Почему папа не идёт? – она оглянулась на Алекса.

– Сейчас придёт, – шикнула я. Занёсший вслед за нами чемоданы сотрудник аэропорта пожелал хорошего полёта и убрался восвояси. Пилот прошёл в кабину, следом – второй пилот. Я подошла к иллюминатору. Алекс всё ещё был у машины. Дэн хмурился. Кивнул и открыл багажник.

– А мы купаться сразу будем? – Надия вскарабкалась на усыпанный игрушками диванчик. Среди прочих я заметила пару новых.

Ясно! Опять её папаша постарался! Порой у меня возникало чувство, что все эти плюшевые коты и медведи приносят Алексу куда большее удовольствие, чем Надьке. Сколько раз просила его придержать коней, но нет!

Взяв новенького динозавра, я обошла столик. Надия растянулась прямо среди игрушек, демонстрируя мне попу в белых трусиках. Я вернулась.

– Следи за платьем, – одёрнула задравшийся подол, потихоньку шлёпнув её по задку. – Да, купаться мы будем сегодня. Если, конечно, твой папа соизволит закончить дела. А то придётся нам лететь без него.

– Почему без него? – сразу же встрепенулась уловившая только последние слова Надия.

– Не почему. Сейчас полетим. Никуда он не денется.

В дверях появилась тень. Я подняла голову, собираясь сказать Алексу, что мы уже подумывали подняться в воздух без него.

Но это был не Алекс. Тень оказалась Дэном.

Только он сделал несколько шагов, самолёт закрылся.

– Где мой муж? – с непониманием спросила я. – Дэн...

Тревога, сдавливающее грудь чувство, сомнения – всё вернулось, усиленное в десяток раз.

Я бросилась к иллюминатору. Алекс стоял возле машины в одиночестве и смотрел прямо на меня. В стёклах поднятых тёмных очков бликовало солнце.

– Сукин сын, – процедила я. Вытащила телефон.

– Нужно пристегнуться, Стэлла, – Денис хотел отвести меня к креслам, но я выдернула локоть.

– Я никуда не полечу! – ответила гневно.

– Полетишь. И это не обсуждается. Это приказ твоего мужа.

Глава 3

Стэлла

На дисплей Алекс не взглянул. Поднёс телефон к уху.

Взгляд в упор.

– Я тебя убью, – выговорила я с абсолютной уверенностью, что именно это я и сделаю при первой возможности.

Плывать ему было на мои угрозы. Он только надвинул тёмные очки. Привалился к чёрному внедорожнику.

– Так надо, Стэлла, – наконец сказал он.

Это было единственным, что я услышала за минуту, в течение которой мы не сводили друг с друга взглядов.

– Кому надо, мать твою?!

– Будь хорошей девочкой, – не отреагировав на мой вопрос, продолжил он. – Слушайся Дэна.

Градус моего негодования зашкалил в миг, когда муж положил трубку. Махнул пилоту и, сев за руль, захлопнул внедорожник. Машина блеснула стёклами, солнце отразилось на чёрном металле. Я едва не зарычала в голос. Быть хорошей девочкой?! Слушаться Дэна?! Да чёрта-с два я буду хорошей!

– Стэлла Эдуардовна... – Денис было опять попытался заставить меня пройти к креслам. Самолёт начал движение.

– Какие ещё приказы отдал тебе Алекс?! Может быть, он тебе и в постели приказал его подменить?! Что всё это значит?! Что за тайны?!

Резко развернулась и увидела выглядывающую из-за спинки дивана Надию. Дочь с любопытством прислушивалась к разговору. Затаилась мышкой, только глаза и виднелись.

Самое паршивое заключалось в том, что всё было бесполезно. Что бы я ни сделала, самолёт всё равно поднимется в воздух.

Молча я взяла Надию за руку. Сжала сильнее, чем было нужно. Почувствовав моё настроение, она покорно прошла к креслу. Забралась в него и позволила пристегнуть ремень, хотя не любила этого. Денис сел по другую сторону от нас, ближе к бару.

– Mamочка, ты ведь не убьёшь папочку? Ты ведь его не убила, когда он разрешил мне порисовать. Помнишь? А тоже кричала, что убьёшь...

Я глубоко вдохнула. Зря я этого не сделала. Недели три назад Надька стянула мою косметичку. Давно на неё заглядывалась, а тут всё-таки не выдержала. Раскрутила помаду, а потом расправилась и с остальным, потому что Алекс разрешил ей. Мало того, ещё и альбом для рисования подсунул. Сволочь. Тогда и нужно было его прикончить. Избавилась бы от кучи проблем.

Мельком заметила, как Денис подавил усмешку и поджала губы. Дочь продолжала коситься на меня, теребя завязки на плетёном браслете. Попробовала набрать мужу, но ответить он не соизволил.

– Мы летим в Испанию? – обратилась я к Дэну за неимением лучшего.

– Нет, – ответил он, помедлив.

Желание зарычать стало ещё сильнее. Только наряду с ним появилось ощущение, что меня утягивает в трясины. Если Алекс решил спрятать нас,

значит дело дрянь. Меня охватило гнусное чувство страха. Не за себя – за него.

– Прикажи остановить самолёт, – выдавила я. – Дэн...

Я не должна улетать. Это было единственным, что я знала наверняка. Что бы ни случилось, мне нужно быть рядом с Алексом.

– Дэн, мы никуда не летим, мы...

В это мгновение шасси оторвались от взлётно-посадочной полосы. Устремив нос к небу, самолёт начал набирать высоту. Мне было плевать. Расстегнув ремень, я бросилась к иллюминаторам со стороны бара, надеясь увидеть машину мужа. Денис вскочил, схватил меня за плечи. Грубо толкнул в своё кресло. Я вцепилась в его руки с такой силой, что он зашипел.

– Объясни мне! – ногтями впилась в кожу. – Что случилось? Алексу кто-то угрожает? Что он задумал? Говори, как есть, Дэн! Ты меня знаешь! Я не ручная кошка, чтобы сидеть и ждать, пока всё само собой рассосётся. Не скажешь ты – я узнаю сама. Узнаю, Денис!

– Сядь ты уже! – рявкнул он и швырнул меня на сиденье.

Надия смотрела на нас во все глаза, и, если бы не это, я бы снова бросилась на начальника службы безопасности, давно уже ставшего не просто человеком моего мужа, а его правой рукой. По его скулам ходили желваки, мышцы были натянуты. Пристегнуть меня он не попытался, сам тоже не сделал этого.

– Добрый день, – зазвучал из динамика голос пилота. – Рад приветствовать Вас на борту, Стэлла Эдуардовна. Надия, тебе тоже привет! Сегодня отличная погода для полёта. Температура воздуха на острове Сицилия...

– Так мы летим на Сицилию? – я повела руками, и Дэн отпустил меня. Перевёл взгляд на притихшую Надю. Опять на меня. – Почему не Испания, Денис?

– Алекс решил, что так будет безопаснее. О ваших планах насчёт Испании известно слишком многим.

Больше ничего не сказав, я вернулась к дочери. На табло всё ещё высвечивалась надпись, что все должны оставаться пристёгнутыми. Пристёгнутой оставалась только Надя. Я отодвинула шторку и невидящим взглядом уставилась на безоблачную лазурь.

Что всё это значит? Какая опасность нам грозит? Кто на сей раз перешёл дорогу моему мужу? Или... кому перешёл дорогу он?!

В горле встал горький желчный комок. С силой растерев запястье, я обхватила висящего на шее Пегаса. По телу прошла волна холода. Крылья крохотного коня впились в кожу, я смотрела сквозь пространство, в бескрайность и желала одного – вернуться.

– Всё будет в порядке, Стэлла, – подошедший сзади Дэн коснулся моего плеча. – Алекс всегда знает, что делает.

Да, в этом Денис был прав. Какими бы безумными ни казались поступки мужа, они были продуманы. Порой продуманы с такой изощрённостью, что это походило на фарс. Только это меня не успокоило.

Надпись на табло наконец сменилась, и я склонилась к дочери. Помогла ей расстегнуть ремень и встать. Только потом посмотрела на Дениса.

– Завтра мы вернёмся, – твёрдо сказала я. – Если для этого мне придётся угнать самолёт, Дэн, я это сделаю. Если придётся ехать через всю Европу на машине, я это тоже сделаю.

– А если придётся пристрелить меня? – с едва заметной усмешкой. Только взгляд тяжёлый и слишком пристальный.

– Мне бы этого не хотелось, – сказала с той же сдержанностью, с какой он спросил. – Но, если другого выхода не будет, я сделаю и это.

– Не сделаешь. Не сможешь.

– Может быть, – согласилась я. – Может быть, не смогу. Но проверять я бы не хотела. Завтра мы вернёмся, Дэн, – не согласная на компромиссы, повторила я и

пошла к переключившей на диване игрушки Наде.

Взбесившееся солнце пекло до ожогов, воздух был густым, тяжёлым и приторным. Как я ни пыталась, сделать глубокий вдох не выходило. Лёгкие слиплись, кожу раздирали лучами. Может быть, мне всё это только казалось. Скорее всего, казалось, потому что никому, кроме меня, жара не мешала.

– Сколько вам нужно времени, чтобы подготовить самолёт к вылету? – спросила я у пилота, как только мы приземлились.

В его глазах отразилось непонимание и озадаченность. На лбу появилась складка.

– Готовьте самолёт к обратному вылету, – приказала я, не дождавшись толкового ответа.

– Александр Викторович не говорил, что...

– Александра Викторовича тут нет, – раздражение-таки вырвалось наружу.

Я посмотрела в сторону, на развлекавшую Надю сотрудницу аэропорта, на свою дочь. В руках её была чёрная пантера, которую она взяла с собой из самолёта. Покидать борт я не хотела. В голове намертво засело только одно – вернуться. Только это и было важным. Таким же важным, как дышать. Перестану дышать – умру. Если не увижу Алекса в ближайшие часы, если не вернусь – умру.

– Стэлла, давай отойдём, – Дэн силой отвёл меня в сторону.

Говорить с ним мне было не о чем. Я не боялась ни грязи, ни крови. Правда давно отпечаталась шрамами на моей спине и заключалась в одном: я принадлежу Алексу. И, если он решит сунуться в адово пекло, я пойду с ним.

– У тебя дочь, мать твою, – Денис не церемонился. Рывком повернул меня к себе. – Ты что думаешь, Алекс отправил вас подальше развлечения ради?

– Понятия не имею! – огрызнулась зло. – Меня никто в известность не поставил, зачем он отправил нас подальше.

Жизнерадостный смех Надии резанул по нервам. У меня дочь. Да, у меня дочь. У нас дочь.

– Если Алекс хотел, чтобы я уехала, он мог сказать мне об этом сам.

– И ты бы уехала?

Я отвернулась, рассеянно отмечая давно знакомые детали: несколько столиков в углу возле кофейного аппарата, панорамное окно, сквозь которое виднелось взлётное поле, привычную форму работницы аэропорта, идущей к Надии со стаканом сока. И Дэн, и я знали ответ. Не уехала бы. Нет силы, способной вынудить меня оставить Алекса в опасности по собственной воле. Нет силы, способной заставить меня сидеть и малодушно надеяться.

– Я должна быть с ним.

– Ты должна быть с дочерью, – резанул словами Дэн.

Я набрала в грудь побольше воздуха и выдохнула. Ничего больше не сказав, пошла к выходу, возле которого нас уже ждала машина. Услышала, как меня догоняет Надия, и остановилась. Молча подала ей руку. Она тронула мои пальцы. Сжала их с уверенностью своего отца.

– Мы не будем кататься на пони, да?

– Почему?

– Папы же нет. Как мы будем кататься на пони без папы?

В её глазах отражалась моя душа. Те детские наивность и вера, которых я не знала, но которые когда-то жили и во мне. Дэн был прав. Прав, будь он неладен! Я должна думать о дочери. Потому что Алекс может разрядить обойму в тварь, решившую поиграть с ним в игры. Она – нет. Защитить её, кроме нас с Алексом, некому. И, если, по какой-то причине, он решил, что это должна сделать я,

значит, так надо. Я слишком хорошо выучила уроки, преподанные мне улицей и ублюдками, растерзавшими моё детство, чтобы позволить Надии пройти через подобное.

– Папа просто... – я стиснула её пальчики. Голос сипел. – Папа просто занят. Мы с тобой сами покатаемся на пони. А потом папа... Он приедет, и мы будем кататься все вместе.

Она не верила мне. Или верила, но чувствовала что-то, объяснения чему я и сама не знала. Я сжала её пальцы ещё крепче. Она прижимала к себе игрушку и внимательно, по-взрослому смотрела на меня.

– Если не будет пони, это ничего страшного, мам, – сказала Надия тихонько. – Я не очень хочу пони.

– А что ты хочешь, котёнок?

– Хочу... Чтобы папа приехал. И чтобы мы все вместе пошли купаться. А ещё, чтобы папа меня кинул в воду... Вот так, – забывшись, махнула игрушкой. Спихватилась, выпустив её из рук, и подобрала. Подняла голову.

Я судорожно втянула воздух. Я тоже хотела этого. Но всё, что мне оставалось, – малодушно ждать.

Дэн открыл нам дверь, и мы прошли к машине. Наши вещи уже лежали в багажнике. Только пантера примостилась между мной и дочерью. Её длинный чёрный хвост щекотнул меня по ноге. Надия залезла на сиденье и, расстегнув ремешок, скинула сандалии на коврик внизу.

Яркое сицилийское солнце светило сквозь стёкла. От работающего в машине кондиционера исходила прохлада, но я всё равно опустила стекло. Глядя на Надию, я не могла представить, что была немногим старше, когда в тёмную, пронзённую вспышками молний и грозowymi раскатами ночь бежала по лесу, спасаясь от смерти. Мама-волчица защитит своего детёныша. А папа-барс защитит волчицу. Закрывает глаза и словно наяву услышала рокот грома. Вдохнула пахнущий сырой землёй воздух. Беги, Стэлла! Беги! Беги, детка...

Под ногами была мокрая трава. Холодные струи били по плечам, в стопы врезались палочки, ветки царапали руки. Я бежала прочь от смерти, а она осталась. Моя мама. Осталась. Там, в доме, с истекающим кровью, смертельно раненным отцом, чтобы разделить с ним не только жизнь, но и смерть. Осталась с ним. Осталась его. До последнего вдоха. И я тоже останусь. До последнего вдоха. Его.

– Мил, если узнаешь что-нибудь, сразу дай мне знать, – попросила я и, получив ожидаемый ответ, попрощалась.

Закончив разговор, упёрлась в колени подбородком. Надежды на то, что Вандор проболтался Миланке, не оправдались. Что бы там ни было, муж подруги, наверняка, идёт с моим единым фронтом. Куда один – туда и другой. Как всегда. Вот только Милана, как и я, ничего не знает. Если меня не соизволили поставить в известность, с чего бы поставили её? Зря я её втянула. Мало того, что сама себе места не нахожу, так и она теперь начнёт нервничать.

Море давно проглотило рыжий апельсин солнца, а я так и сидела на берегу, обхватив руками согнутые в коленях ноги. Накатывающие волны порой касались ступней, песок под ними был прохладным и мокрым.

Я отодвинулась дальше. Песчинки сразу же прилипли к коже. Пошевелив пальцами, я отряхнула ладони. Встала и пошла к стоящему позади дому. Сквозь его стеклянную стену был виден огонёк светильника и очертания кровати, на которой лежала Надия. Когда я уходила, она, набегавшаяся и вдоволь нарезвившаяся с волнами, спала, раскинувшись морской звездой, прямо посередине.

Разговаривать Алекс со мной не рвался. Несколько раз не взял трубку, а когда всё-таки удосужился это сделать, то отделался парой фраз.

От оставленной на мне морем соли волосы стали жёстче. Я облизнула губы и, повернувшись к рокочущим волнам, выбрала последний из набранных номеров. Нажала на кнопку вызова. Длинные гудки...

Под ногами у меня был белый песок, лунная дорожка на воде сверкала серебром, а я не находила себе места. Всё это грёбаное спокойствие в

буквальном смысле диссонировало с тем, что происходило в душе.

Почувствовала чьё-то приближение и резко развернулась, вглядываясь в темноту. Конечно же, это был Дэн. Кого ещё могло занести сюда?!

– Ты разговаривал с Алексом?

– Да.

Я убрала телефон. Всё ясно.

Мой муж элементарно не считает нужным мне хоть что-то объяснить. Выслушивать мои претензии тем более. Это для окружающих я – дочь Эдуарда Белецкого. А для него... Иногда у меня возникало чувство, что я так и осталась той, кем была.

Во мне говорила злость. Пнув попавшийся под ногу камешек, я вернулась к воде. Натянула рукава кофты на пальцы.

– Он знает, что ты спустишь на него собак, – Дэн остановился рядом.

Я поджала губы. Я не собак на него спущу. Я... Да я его в вольер с доберманами затолкаю и там оставляю. Неужели до него не доходит, что для меня расстояние хуже пытки?! Разум – дырявая консервная банка, когда его доводы идут вразрез с тем, о чём воет сердце. Попытаться держать меня в неведении – всё равно что посадить на цепь. Этим он сделал только хуже. Неизвестность оставляет слишком много пространства для страха, именно в этом её трагедия. И преимущество тоже в этом. Только не в нашем с Алексом случае. Я ему не враг, чтобы держать меня в страхе.

– Передай моему мужу, что он трусливый сукин сын, – сказала и направилась к дому.

Идя по песку, я чувствовала направленный мне в спину взгляд Дениса и злилась всё сильнее. Засунуть меня в самолёт у Алекса решимости хватило, а выслушать, что я о нём думаю, нет.

Плеск волн не успокаивал. Наоборот, набегающие раз за разом, они нагнетали ощущение грозящей беды. Мне нужно было услышать голос Алекса. Мне нужно было разогнать неизвестность, с самого детства вызывающую у меня желание прижать уши и с опаской следить, что дальше.

В дом я не пошла. Если Надя проснётся, почувствует моё угнетённое состояние и, чего доброго, ударится в слёзы. Слишком маленькая, чтобы понимать причины, она найдёт единственный возможный для неё выход. Это ни к чему. Я бы и сама заплакала, да толку?

Обогнув дом, поднялась на пристроенную несколько лет назад веранду. Волны сменились шумом листвы и щебетом страдающих бессонницей птиц. Оставив дверь открытой, я зашла в кухню. Хотела выпить бокал вина, но вместо этого заварила чай. Где-то у нас был мёд... Взгляд упал на лежащий на столешнице нож с широким стальным лезвием. Его блеск напомнил мне о другой стали – серебристой, таящей в себе смертельную опасность для любого, кто посмеет бросить Алексу вызов.

– Это уже слишком, – прошипела я, смахнув нож в раковину.

Металлический звук прокатился по всему дому и стих. Это, действительно, было слишком.

Что происходит? Мы столько всего прошли, но именно сейчас я чувствовала себя на краю. Закрывает глаза, открывает и уставилась на нож. Гормоны – вот что это. Простые женские гормоны.

Взяв чайник, большую чашку и банку с мёдом, я вернулась на веранду и уселась в плетёное кресло. Положила руку на подлокотник и прислушалась. Показалось? Нет...

Со стороны дороги раздавался шум. Словно бы... Да, так оно и есть. Шорох шин становился всё ближе.

Вот же мерзавец!

Сбежав по ступеням, я затаилась возле дерева. Не прошло и пары минут, как к дому тихо, крадучись, подъехала машина. Вокруг было слишком темно, чтобы я могла различить, кто за рулём. Но это мне было и не нужно. Это мог быть только Алекс. Если бы я была нежной лирической героиней, обязательно подумала бы, что готова простить ему всё, но...

– Какая же ты всё-таки сволочь, – не спеша выходить из укрытия, сказала я тихо, услышав хлопок дверцы.

Ради чего, спрашивается, он устроил это представление? Чтобы потрепать мне нервы? Ему ли не знать, что без него я не протяну и дня? При всех исходниках мы вполне бы подошли на роль современных Бонни и Клайда. Реши Алекс грабануть банк, я бы встала с ним плечом к плечу. В мотивах мы бы разобрались позже.

Подождав ещё немного, я пошла Алексу навстречу. Желание выяснять отношения пропало. Сперва посмотреть ему в лицо и втянуть поглубже носом у его шеи.

Сбоку зашуршала трава, в нос ударил сладкий, тяжёлый запах. Вонь, от которой меня едва не вывернуло. Я резко обернулась.

– Ты?! Что ты тут делаешь?!

– Тихо, Стэлла, – под рёбра мне упёрлось дуло.

Крепко взяв за плечо, Динара вдавила в меня ствол. Я инстинктивно дёрнулась, попыталась вырваться. Её глаза холодно сверкнули.

– Тихо, я сказала, – процедила она и толкнула меня к машине. – Ты же не хочешь, чтобы мои люди привели сюда твою девочку? Она у тебя такая хорошенькая. Спит, как ангелок. Зачем её будить? Ночь не время для ангелов, я права?

Меня обдало холодом. Зародившийся в районе солнечного сплетения, он прошёлся по всему телу. Динара кивком показала на автомобиль. Времени на раздумья у меня не было. Где Денис?

- Не надейся, - Динара перехватила мой взгляд. - Он тебе не поможет.

Я остановилась. Тут же последовавший за этим тычок под рёбра был ощутимей предыдущего.

- В машину, - открыла Динара дверцу и жёстко, приложив пистолетом, толкнула меня внутрь.

В голове с неистовой скоростью вертелись шестерёнки. Я сделала вид, что играю по её правилам, но в последний момент извернулась и что было сил ударила её дверцей. Сука зашипела. Выскользнув из машины, я бросилась на неё в попытке выхватить ствол, но недооценила её. Рукоять с такой силой ударилась мне в локоть, что на миг перед глазами поплыло.

- Ты думаешь, я шучу?! - процедила она, целясь мне прямоком в грудь. - Ещё шаг, и я оставлю в тебе пару дырок, поняла? - в её пальцах появился телефон. набрав кому-то, она приказала: - Тащи сюда малявку.

- Не надо, - внутри всё оборвалось. Рука ныла от удара, во рту пересохло. Динара сощурилась.

- Подожди, - поигрывая пистолетом, указала мне на сиденье.

Я бросила взгляд на дом, на целящуюся в меня суку и всё-таки села. Захлопнув автомобиль, она обошла его спереди и заняла место за рулём. Мне бы хватило этих секунд, чтобы оказаться на улице и скрыться в темноте. Но...

- Что тебе от меня нужно?

Её красный рот искривился в снисходительной усмешке. Не выпуская ствол, она завела двигатель. Машина бесшумно тронулась с места. Я обхватила левое запястье. Сжала до боли. Динара смотрела вперёд на чёрную змею дороги я - на неё. Фары она включила, только когда мы отъехали от дома на пару сотен метров. Среди клочков мыслей я выхватила одну - если бы Дэн был с ней, так осторожничать она бы не стала. Но облегчения это не принесло.

- Покатаемся? - она изогнула тонкую бровь. Мельком глянула на меня.

– Покататься я могу и без тебя.

Что они с Алексом не поделили? Мне до трясушки не нравилось, что он водит с ней дела, но, сколько мы не скандалили по этому поводу, ничего не менялось. Как демонстрировали шлюхи её модного дома его камни, так и продолжали демонстрировать. Просить Алекса было бессмысленно, угрожать ему тем более. Но поверить в то, что он решил засунуть меня сюда из-за этой твари... Да он бы раздавил её, как моль!

Салон машины пропитался её тошнотворными духами. От воспоминаний о дне, когда я впервые вдохнула этот запах, меня передёрнуло. Прикосновения этой дряни были далеко не самым отвратительным, что мне довелось пережить, но именно этим они и были. До неё меня не касалась ни одна женщина, не касалась и после.

– Вспоминаешь наше знакомство? – на сей раз взгляд её был более долгим. – Можем повторить.

– Если ты затеяла это всё, потому что тебе захотелось полизать, стоило снять девочку на ночь. Уверена, с ней бы ты быстрее нашла общий язык.

– А ты ещё та сука, – открыв бардачок, она достала пачку длинных тонких сигарет. – Хочешь?

– Что тебе нужно, Динара?

Мне нужно было как можно быстрее понять, что значит её появление. Откуда она взялась? Как узнала, где мы? Следила? Или следил тот, с кем она была за одно? Как ни пыталась я вклинить Дину в цепочку, она оказывалась слабым звеном.

– А мне обязательно должно быть что-то нужно?

Динара вытащила сигарету. Пистолет лежал на её коленях, на подоле такого же красного, как ногти и губы платья.

– Не мечтай, – с предупреждением сказала она, заметив, что я смотрю на него. Если бы не дочь, разговаривали бы мы иначе. – Спрашиваешь, что мне от тебя нужно? М-м... Разве у нас с тобой нет ничего общего?

Куда она клонит, я поняла не сразу. В другой ситуации это могло бы показаться смешным. Я бы даже послушала её ради интереса.

– Отвези меня обратно.

– Если бы не ты – у нас сложилось бы с Алексом, – проигнорировав меня, продолжила она. – Нам было хорошо, – глянула многозначительно, выпустив мне в лицо струйку дыма. – Во всех смыслах хорошо, детка. И тут он приволок тебя...

– Сложилось? – Это было уже слишком. – Единственное, что у вас могло сложиться – тетрис в постели. Нахрена ты ему?

– А ты нахрена? – глаза её наполнились злостью. Красивое лицо исказил гнев, а мягкий, с поволокой голос стал неожиданно жёстким. – Считаешь себя лучше меня? Или у тебя между ног золотая пещерка? Да нет, девочка. Алекс – самец. Секс – для него само собой разумеющееся, как для нас с тобой месячные. Только далеко не каждая попадает в его постель дважды. Так что...

Я поверить не могла, что этот абсурд происходит в реальности. Она отыскала меня в итальянской глуши, угрозами затолкала в свою тачку. Мы неслись вдоль берега моря. Куда и зачем – хрен знает! Если бы не я, у них с Алексом что-то там сложилось бы?! Это даже бредом назвать нельзя! Либо она обдолбалась, либо...Либо просто свихнулась!

Да пошло оно к чёрту! Стремительно я подалась вперёд.

– Стерва! – Динара крутанула руль. Попыталась опередить меня, но пистолет слетел с её коленок, ударился о мою кисть.

Мимо, сигналя, промчалась встречная машина – свет фар резанул по глазам, ослепил. Динара вцепилась в ствол. Ещё одна встречная, поворот... Нас повело, пальцы мои разжались, что-то упёрлось в бедро, с губ слетело несколько матерных. И опять гудок, свет...

- Дай сюда!

Динины пальцы сомкнулись на моей руке. Красные ногти прошлись по коже. Инстинкт выживания твердил одно – отпущу и всё. Всё! Я толкнула её, сжимая пистолет. Машину развернуло, я зашипела от боли. Стерва не отпускала.

- Отдай!

- Хрен тебе!

- Сука! Я тебя...

Сквозь окно блеснуло море, луна...

- Чокнутая! – Дина рванула меня за кофту.

Я зарычала. Не отдам! Ни за что не отдам! В какой-то момент она сумела вывернуть мою кисть. Я бросилась на неё.

- Да бл...

Гудок, и снова по глазам светом. До слепоты, до пляшущих чёрно-красных точек. Её ногти в кожу.

- Стерва!

Тяжёлое дыхание, ругань сквозь зубы... Блеск тёмных глаз. Металл. Оглушительный выстрел, прозвучавший одновременно со вспышкой, запах пороха в глотке воздуха, а вместе с ним расползающаяся по телу боль. Господи...

Звон стекла и... ночь.

Глава 4

Алекс

– Меня не интересует, как ты это сделаешь, – с холодной яростью выговорил я, выслушав отчёт звонившего. – Пусть твои люди землю носом роют. Не найдёте их в ближайшие два часа – шкуру спущу со всех!

С раздражением отложив телефон, я мрачно посмотрел на стоящего по другую сторону стола Дениса. Требовать от людей невозможное было не в моих правилах. В данном случае гнев стоило бы придержать, но, чёрт возьми, я не для того плачу огромные деньги, чтобы снова и снова слышать виноватое блеянье! Если Закир и его люди не могут напасть на след моей жены, не сможет никто другой.

– Остынь, Алекс, – Денис подал бутылку с водой.

Я провёл по волосам, тряхнул головой. Виски разнылись, сдавленный невидимыми тисками, череп затрещал хлеще прежнего.

Я поморщился. Ночь была тяжёлая. Понятия не имею, сколько номеров я набрал за последние часы. Нацеленный на меня сквозь стекло иллюминатора взгляд Стэллы оставил в груди дыру размером с воронку от удара ядерной боеголовки. Никакой огонь не мог обжечь так, как её ярость и негодование. Несдержанная во всём, что касается чувств, она, будь у неё возможность, бросилась бы на меня дикой кошкой. Можно сказать, мне повезло. Какие острые у неё ногти и зубы, я знал не понаслышке. Но посадить их с дочерью в самолёт было лучшим из того, что я мог сделать на данный момент.

Открутив крышку, я кинул её к телефону. Проскакав по столу свихнувшимся зайцем, она упала на пол. Хлебнув, я поморщился и поставил воду.

– Тебе легко говорить. Я понимал, во что лезу. Нужно было с самого начала послать всё это к чертям собачьим.

– А дальше что? У тебя дочь растёт, Алекс. Это вклад в её будущее.

Он мог бы и не напоминать. Сам знал. Только чем дальше всё заходило, тем сильнее становились сомнения, что проценты с этого вклада того стоят. Риски касались не меня одного. Людям, с которыми я имел дело, нужны были гарантии. Самыми надёжными гарантиями были мои слабости. Элементарная формула, из неизвестных в которой только итог.

– Простите, – постучав, в кабинет заглянула горничная. Та самая девица, которую недавно притащила Стэлла, Кира. – Вы просили сладкий кофе.

– Просил, – смерил я её взглядом. Она разве что не съёжилась. – Что ты там встала, мать твою?! Не знаешь, что делать?!

Девица сжала края подноса и бросилась метать передо мной чашки. Руки у неё ходили ходуном, но движения были быстрыми и чёткими. Из всех Стэлла выбрала самую малохоленную. В вырезе её платья виднелась грудь, зад был аккуратным и круглым.

Равнодушно я прошёлся взглядом по её телу. Если бы передо мной изогнула спину Стэлла, кровь долбанула бы в виски сразу, а эта...

– Свободна, – бросил я.

– Простите, – она прижала поднос к груди. – Там... Надия. Она проснулась...

– Проснулась, и в чём дело?! – я был не в том расположении духа, чтобы ждать, пока это похожее на напуганного лемура существо перестанет трястись и сформулирует в фразу несколько слов.

Моё рычание подействовало на неё весьма странно. Вместо того, чтобы затрястись ещё сильнее, она вскинула голову. Рыжие волосы пламенем рассыпались по узким плечам, а взгляд стал решительнее.

– Она отказывается завтракать, Александр Викторович. Говорит, что будет есть, только когда придёте Вы или ваша жена.

Я сделал ещё один глубокий вдох. Девчонка не двинулась с места. А ведь ничего такая, если соберётся. Я ещё раз осмотрел точёную фигурку. В питомнике ей бы

быстро нашли применение. Такие стоят дорого. Это мне она обошлась в копейки.

– Свободна, – повторил я.

– Александр Викторович...

– Свободна! – гаркнул так, что напрягся даже Денис.

Девчонка тоже вздрогнула. Кровь отлила от её и без того бледного лица, глаза стали казаться темнее.

Телефон молчал. Вставшее солнце пекло щёку, виски давило. Не прошло ещё суток с момента, как Стэлла была со мной, а меня уже накрывало потребностью чувствовать её рядом.

– Иди, – приказал сдержаннее. – Я сейчас подойду.

Кира испарилась. Я потёр переносицу и закрыл глаза. Стэлла. Представил её, хотя и не собирался. Снова болото. Тина с тёмным янтарём сквозь стекло. Я давно уже безнадежно увяз в этой топи.

– Тебе нужно было с ней поговорить, – подал голос Дэн. – Чем ты больше от неё скрываешь, тем сильнее вероятность, что она наделает глупостей.

– Нет, – отрезал я. – Не нужно. Это ради её же блага. Чёрт... – взял не подающий признаков жизни мобильный.

Мои люди уже должны были найти её. При всех исходниках, которые у них были, они должны были напасть на след сразу. Динара, мать её, – изворотливая стерва... Я всегда знал, что ум у неё изощрённый, а под налётом гламура скрывается то ещё умение изворачиваться, но чтобы так... Если Стэлла полезет на рожон, добром дело не кончится.

Ничего больше не сказав, я пошёл в кухню. Надия сидела, уперев локоток в стол и, надув губы, смотрела в тарелку. Самолёт приземлился ночью. Приказ лететь обратно я дал сразу же после того, как исчезла моя жена. Никто не возражал: сказать мне в тот момент слово поперёк было себе дороже. Как и сейчас.

– И что за бойкот? – присел с ней рядом и, взяв ложку, зачерпнул кашу. Отправил в рот.

Овсянка показалась безвкусной. Сейчас мне что угодно показалось бы безвкусным. Поговорить со Стэллой? Да мне слышать её голос было сродни тому, что ковырять ножом в гноящейся ране. Съел ещё пару ложек и кивнул детёнышу на тарелку. Но Надия энтузиазмом не воспылала.

– Почему мы с мамой улетели, а потом она не прилетела? И ты почему не улетел? И...

– Ешь, – я всучил ей ложку. – Нечего за столом болтать.

Надия обиженно ковырнула кашу. Я поймал на себе взгляд горничной. Та сразу же отвернулась, но я успел заметить осуждение.

Да чёрт возьми! Не хватало, чтобы малахольная шмакодявка из питомника обмусоливала в своей голове то, о чём не имеет понятия.

– Мама вчера была очень злая, – Надя облизала кончик ложки. – И ещё... Ещё очень грустная. Она сказала, что мы пойдём кататься на пони без тебя. Но мы не пошли. И она не хотела без тебя, я знаю. И я тоже не хотела.

– Надь, замолчи и ешь, – умение выесть мне мозг однозначно досталось ей от матери.

Да что они там делают?! Повышвыриваю всех нахрен! Они уже давно должны были её обнаружить. Или боятся?! Только я взял багет и собрался достать из холодильника кусок мяса, телефон начал надрываться.

– Пап, ты куда? – донеслось мне вслед.

– Да! – гаркнул, выйдя в холл.

– Александр Викторович... – Закир сделал паузу. Он был одним из тех, кого я пустил по следу сразу, как только всё закрутилось. – Мои люди нашли...

– Говори, – развернулся к окну.

Солнце резануло глаза, на миг ослепило меня. Я прищурился, чувствуя поднимающийся к глотке желчный ком.

– Мои люди нашли тело. Пулевое ранение в живот. – Он помедлил, прежде чем сделать контрольный в голову. – Погибшая подходит по всем описаниям.

– С чего ты взял? – просипел я. – Если вы нашли тело какой-то шлюхи, это ещё не значит...

– У мёртвой девушки татуировка. Вьюн на правом бедре. Также на ней был кулон в виде Пегаса.

– Её похитили в Италии! Нахрена тому, кто это сделал, избавляться от неё тут?

Вопрос был из категории тех, ответа на который не требовалось.

В попытке найти объяснение и не дать мне уйти в себя, Вандор дёргал за все нитки.

На опознание он поехал со мной. Сколько бы я ни посылал его, одного он меня не пустил. Похоже боялся, что я разнесу всё к хренам, а потом пущу пулю себе в висок, если... Вот этого «если» он и боялся.

Я прицельно пялился в лобовое стекло, воскрешая в памяти самое яркое из того, что было с нами за эти шесть лет. Отдельные куски не выхватывались. Каждая проведённая со Стэллой минута имела своё значение и оттенок. Имела свой собственный вкус и запах.

– Стэлла слишком живучая, чтобы всё кончилось так, Алекс, – судя по всему, друг выдохся.

Я молча перевёл взгляд на него.

Какая разница, почему она оказалась в тридцати километрах от аэропорта тут, когда села в машину Динары за тридевять земель? Какая, мать его, разница, что было этой ночью, если итог один. Волчонка нет.

Вандор пристально смотрел на меня. Ему было известно, что может скрываться под маской спокойствия, которым я пытался, как дырявой ширмой, завесить то, что скреблось внутри.

– Они нашли тех, кто её увёз? – холодно осведомился друг, и в этом было куда больше реального и его самого, чем во всём, что он нёс до этого.

Я отрицательно мотнул головой. Откинулся на спинку сиденья, готовый вернуть долг каждому причастному. Нащупал на поясе пушку. Скоро придётся пустить её в ход. Крови будет много. И грязи тоже. Каждый получит своё. И я получу. Своё.

Глянул через зеркало на молча ведущего внедорожник Дениса, сжал в кулаки разбитые руки. Только затянувшаяся кожа на костяшках лопнула – красная струйка потекла между пальцев.

– Каждого достану, – просипел сквозь ярость и боль.

После звонка я едва не разнёс стену. Если бы не остановивший меня Дэн и пришедшая ему на помощь горничная, то превратил бы холл первого этажа в руины. За прикосновение к тёплой мягкой щеке отдал бы сейчас всё. Стэлла...

Внедорожник свернул на территорию военного госпиталя.

– Не хорони её раньше времени, – Вандор хлопнул меня по ноге. – Ты не можешь знать наверняка, что это она, Алекс.

В конце дорожки показалось серое двухэтажное здание госпитального морга. У входа нас уже ждали двое. Как только Денис затормозил, я, ничего не говоря, вышел из внедорожника и двинулся навстречу собственной мгле. Похожий на старого ворона человек открыл передо мной дверь. В нос ударил смрад отчаяния и смерти. С первым же вдохом он вьелся в лёгкие, покрыл ртутным инеем всё,

что напоминало о радости.

Наши шаги эхом звучали в пустом коридоре, пока мы шли вперёд.

– Группа крови совпадает, – сказал «ворон», остановившись у двери. – От тела пытались избавиться, Алекс. Зрелище не из приятных, предупреждаю сразу.

Сбоку от меня шумно выдохнул Вандор.

– Когда наступила смерть? – опередил он меня с вопросом.

– Около... – патологоанатом взглянул на часы. – Около десяти часов назад. Повторю: от тела пытались избавиться. Из-за многочисленных ожогов точнее сказать сложно. Ты готов?

Готов ли я? Ни одному из знавших меня в голову не пришло бы спросить подобное с тем выражением, с коим задал вопрос Генрих.

Мы были знакомы уже очень много лет. С того дня, когда посреди ночи он с абсолютным хладнокровием вытаскивал пулю из бедра моего живущего по своим собственным законам приятеля. Каждый раз, когда я видел Ворона, чувство было такое, что он ходит у смерти в ближайшем окружении. Сейчас это ощущение было особенно сильным. Готов ли я? Готов ли я увидеть изуродованное тело женщины, ставшей моим безумием, моим наваждением и пульсом?

– Да, – коротко сказал я, не желая оттягивать и уже Вандору. – Я пойду один.

Мы с Генрихом прошли в помещение по соседству. Напротив оказалось большое, завешенное шторой стекло. Гудящие под потолком лампы давили на уши. Холод пробрался не под одежду – под кожу.

– Я тебя предупредил, Алекс, – прихрамывая, Генрих пошёл к шторе.

Я набрал побольше воздуха. Предстоящее мне не было пыткой – ад. Ворон обернулся, и я сдержанно кивнул ему. Он отдернул штору – звук прошёлся по нервам тупым лезвием.

Меня затошнило. На металлической каталке лежала девушка. Вернее, то, что было ей когда-то. Обожжённая кожа, маленькие ступни. Узкие запястья и...

- Это она, - прохрипел, глядя в одну точку.

Чёрные и зелёные камни в оправе из белого золота. Раскрытый цветок вьюна на правом бедре. Ничего не было - только этот цветок.

Развернувшись, я быстрыми шагами вышел прочь. Мимо Вандора и Дэна. По провонявшему антисептиком и смертью холлу.

- Алекс! - окрик сотряс воздух, звоном отдался в ушах.

Оказавшись на улице, упёрся руками в стену и, стиснув зубы, зарычал. Уничтожу. Каждого уничтожу.

Кулак в бетон. С размаху, до сверкающих звёзд и белых вспышек.

Кроваво-чёрное марево. Ещё и ещё, пока кровь не брызнула в разные стороны.

- Алекс, - Вандор и Дэн скрутили меня, пытаюсь отволочь прочь. Хотелось блевать. Кулак врезался в скулу, Вандор матернулся и ответил.

- Прекрати! - рявкнул с яростью. - Что?!

Он рычал. У меня из глотки рвался сип. На губах я чувствовал вкус собственной крови. Скалясь, сипел, а рот наполняла слюна.

Денис отпустил меня.

Я сплюнул на асфальт розово-желчной кляксой. Поднял на Вандора взгляд. Мотнул головой и на хрипе выдавил то, что отсекло жизнь от смерти:

- Это она, Вандор. Это Стэлла.

Глава 5

Алекс

Виски ничего не изменил. Разум оставался предельно ясным, только глотку пекло при каждом новом глотке всё сильнее.

– Хватит, – Вандор забрал бутылку. – Тебе нужно побыть с дочерью. От того, что ты до зелёных чертей надерёшься, лучше не станет.

– А от чего станет?

Очередной вопрос, ответа на который не было. Но Вандор прав. Мне нужно побыть с дочерью. Притихшая прислуга расплзлась по углам, в доме стояла гробовая тишина. Только из гостиной звенящей насмешкой доносилось мелодия, изрыгаемая купленной с пару недель назад детской шкатулки. Я привёз её Надии из Франции, куда летал, чтобы проследить за ходом работ по отделке своей виллы на лазурном берегу. Давно собирался заняться этим. Обещал Стэлле, что вилла будет готова к началу зимы, и мы съездим туда на выходные. Она давно хотела во Францию, но всё не складывалось. Пока пришлось ограничиться мелочёвкой: Надии – шкатулка с медвежонком на крышке, Стэлле – браслет из розового золота с малахитом и янтарём. Бутылка красного сухого, чтобы провести вечер у камина.

Вандор хлопнул меня по плечу. Я мог с уверенностью сказать, что мигом раньше он поменял нас местами. Представил себя заходящим за дверь в конце серого коридора морга с приговорённой надеждой в сердце.

– Понятия не имею. Но, если тебе что-то будет нужно, дай знать.

– Иди к чёрту, – огрызнулся я.

Провожая Вандора к парадным дверям, я пытался выкинуть из памяти потускневший вьюн на мертвенно-бледном женском бедре. Ни запах крови, ни вид выпущенных кишок не смог бы вызвать у меня большего неприятия, чем этот проклятый вьюн, похожий на сорванный и брошенный в компостную кучу

сорняк. Это было даже хуже обожжённого до кости тонкого запястья, хуже изуродованного лица. К горлу подкатила тошнота, желудок скрутило узлом.

Проходя мимо гостиной, я повернул голову и посмотрел на сидящую на ковре у камина дочь.

– Дай сюда, – вернул себе пойло. Глотнул в попытке справиться с норовящими вывернуться наружу внутренностями.

Не помогло. Стало только хуже. Поганый виски. Поганый день. Всучил Вандору бутылку и махнул на дверь.

– Сам найдёшь дорогу.

– Держись, – его взгляд был холодным. Ни сочувствия, ни жалости, за которые я бы, скорее, дал ему в рожу, чем бы был благодарен. Ему не нужно было бросаться фразами вроде «тот, кто к этому причастен, ответит». Это подразумевалось без слов.

Мрачно посмотрев в спину удаляющемуся Вандору, я прошёл в гостиную.

– Вон отсюда, – сухо приказал замеревшей у камина няньке.

Та прошмыгнула мимо, не обронив ни единого слова. Только голову подняла и сразу же склонила. Боялась взглядом со мной встретиться. И правильно. Не хрен.

Надя закрыла свою шкатулку. Мелодия оборвалась на середине. В точности, как это бывает, с жизнью.

– Папа, когда мама придёт? – болото, а вокруг камыши. Я смотрел в глаза дочери, а видел её мать.

Занавеска у окна шевельнулась. Повернулся и... Ничего. Стэлла любила стоять у окна и смотреть, как стекают по стеклу капли воды. Но больше мне нравилось, когда на волосы её падали солнечные лучи. Последний глоток виски был лишним. Ещё немного, и она начнёт мерещиться мне в каждой тени.

- Па-а-ап, - заканючила моя малявка.

Я взял её под подмышками и поднял. Посмотрел так, как не смотрел, наверное, ещё ни разу, и крепко прижал к груди. Носом провёл по тёмным волосам.

- Скоро, - просипел, вдыхая её запах, греясь её теплом.

Сел вместе с ней на диван и, вытащив мобильный, проверил уведомления. Пусто.

- Черт, - процедил с досадой и начинающей просыпаться тревогой.

Дочь отреагировала мигом. Задрала голову. Под её пристальным взглядом я чувствовал себя приставленным к стене на расстреле. Прятаться было некуда. Розовая шкатулка лежала на ковре перед камином в том месте, где несколько дней назад лежали мы со Стэллой. Я водил пальцами по её гибкому позвоночнику и покусывал ягодицы, пока она, посмеиваясь, ела горький шоколад с марципановой начинкой прямо из коробки...

- От тебя плохо пахнет, - вдруг сказала дочь. Слезла с моих колен на диван, потом на пол и, подобрав шкатулку, вернулась.

- И чем от меня пахнет, - взял у неё из рук. Прерванная мелодия продолжилась, наполнила гостиную тихими, переливчатыми звуками.

- Так из стакана пахнет. Невкусно. Когда мама у тебя в кабинете стакан убирала, я ей тоже говорила, что не вкусно.

- Ясно всё, - поставил шкатулку на столик и посадил дочь на подлокотник.

- Так когда мама придёт, пап? Скажи ей, чтобы пришла.

- Скажу, - цепочка на шее у дочери запуталась. Маленький пегас с сапфировыми глазами повернулся хвостом. Я поправил его. Стэлла хотела подарить ей этот кулон на пятилетие, но не вытерпела.

В конце этого декабря мы обвесили высоченную ель в гостиной серебристыми и красными шарами. На лапах её лежала пушистая мишура, под ними – обхваченные бантами коробки, среди которых в крохотной белой и нашлась эта лошадка. Ждать Стэлла не умела. Ей всегда не хватало терпения, размеренности и хладнокровия. Наверное, в этом заключалась её правота – в несдержанности и откровенности, бывшими неотъемлемой частью её души.

– Тебе мама должна позвонить? – стоило телефону оказаться у меня в руках, спросила Надя.

– Нет.

Дочь разочарованно вздохнула. Да чтоб... По моим подсчётам, всё уже должно было состыковаться. Сроки вышли, даже если накинуть пару часов сверху. Просчётов быть не могло. Так какого дьявола происходит?!

На сей раз я сдержался. Отложил телефон молча. Шкатулка затихла, доиграв до конца. Тишина было стала давить на уши, но тут себе под нос замурлыкала Надька. Коснулась моих разбитых костяшек и ласково погладила пальцами. Отдёрнула руку и, пытливо заглянув перед этим в глаза, села у моих ног на ковёр. Горло затянуло колючей проволокой.

– Это у тебя что? – я спустился к дочери. Взял камень, который она вытащила из кармана. – Зачем ты это принесла, Надь?

– А кто такая горошинка?

Дочь смотрела на меня глазами своей матери, только во взгляде её не было черноты прошлого.

– Что ещё за горошинка?

Надька подала мне красивый чёрный камень. Я взял его, чувствуя себя дебилом. Разобраться с делами собственной компании, выстроить цепочку с заделом на месяцы вперёд для меня было само собой разумеющимся. Но понять, что в голове у собственного ребёнка... На это была способна только Стэлла.

– Это камень-мама, – пояснила Надя, поймав мой вопросительный взгляд. – Это папа, – показала на большой у меня в руках. – Это дочка, – отдала мне маленький кругленький.

Я вскинул голову. Дочь как ни в чём не бывало подтянула к себе ноги. Крохотный, размером с бусину камень так и лежал на её раскрытой ладонке, а меня начинало накрывать.

– Кто тебе сказал про горошину? – схватил её руку так сильно, что Надя испуганно распахнула глаза. Опомился, только когда она стала высвобождать кулачок. – С чего ты взяла про горошину?

– Это мама... – она шевельнула губами. – Мама сказала, что это просто горошина. Пап, почему ты злишься? Кто такая горошина?

Злился ли я? Нет. То, что во мне разгоралось, нельзя было назвать ни злостью, ни яростью. Кровь бурлила раскалённой лавой, накинутая на горло колючая проволока впилась шипами. Если бы в меня всадили ржавый нож и пару раз провернули, было бы и то лучше.

Горошина... Я порывисто хватанул дочь за кофту и с рыком сжал в руках. Она пискнула, а я сгрёб кофту у неё на спине. Глубоко вбирал её запах, стараясь не слететь с катушек. Костяшки ныли, кожа снова полопалась, и только эта боль в сочетании с нежным запахом дочери немного отрезвляли меня. Я пугал Надю, но, понимая это, не мог заставить себя отпустить. Втягивал носом у её виска и был уверен: перестану делать это – загнусь тотчас же.

– Когда она тебе это сказала? – просипел я. – Когда мама сказала тебе про Горошину?

Погладил дочь по голове, чтобы как-то успокоить и себя, и её. Взгляд остановился на отлетевшем камне. Самом большом. Камень-папа, чёрт подери! Рядом с ним – маленький круглый.

Я шарил по светлому ковру в попытке отыскать чёрный, но его не было. Ни на паласе, ни возле дивана. И Горошины не было. За окном взвыл ветер. Может быть, это взвыло моё собственное сердце, хрен знает. Дочь заёрзала. Я обхватил её голову и, глядя в кукольное личико, спросил снова:

– Давно тебе мама сказала?

Несмотря на испуг, Надия была серьёзной, сосредоточенной, и у меня создавалось чувство, что она мудрее меня. Что у неё есть куда больше ответов, чем у меня.

– В Италии? Когда вы улетели? Надия! – почти рявкнул. – Надия, когда?

– Не в Италии, – она нахмурилась. Отползла от меня и подобрала большой камень. Потом круглый. – Когда мы были у фонтана. Мы были у фонтана, а потом пошли ужинать. И ты тоже ужинал с нами.

– Чёрт! Проклятье!

– Мамы нет, – Надия привстала. Проверила в зазоре между полом и диваном. Заставила меня отодвинуться в сторону. – Мамы нет, пап! – её губы вдруг дрогнули. – И горошины тоже. Пап... Папа, надо найти маму! Папа... – её голос стал пронзительно звонким. Глаза наполнились слезами и гневом. – Надо найти маму! И горошину!

– Александр Викторович, – на пороге гостиной появилась Кира. – С поста у ворот звонят. Динара Сергеевна приехала. Сказать, чтобы не пускали?

– Мама скоро вернётся, – тихо и жёстко сказал я. Не только Надии, но и самому себе.

Под руку мне попало что-то твёрдое. Оно оказалось прямо у меня под ладонью. Чёрный камень, на котором я только сейчас различил крохотные крапинки. Камень-мама. А рядом бусинка-горошинка.

– Мы найдём маму, – поднял оба и, глядя дочери в глаза, добавил. – И Горошину найдём.

Чёрный камень стукнулся о два других. Губы Нади ещё подрагивали, в глазах стояли слёзы. Те уверенность и гнев, с которыми она смотрела на меня, вернули меня в действительность. Уничтожу. Всех и каждого. Ничего не оставлю от грёбаной системы.

– Займись Надией, – приказал, а сам набрал охране.

Отдал несколько распоряжений и выскочил в холл. По ступеням крыльца сбежал как раз, когда машина подкатила к дому. Обошёл капот и нос к носу столкнулся с Динарой.

Она молчала. Стояла, смотрела на меня и молчала.

– Где она?! – гаркнул так, что зазвенело в ушах. И уже сквозь зубы, опомнившись: – Где Стэлла?!

Динара напряглась, но взгляда не отвела.

– Зачем ты приехала?! Где моя жена?! – схватил за глотку и припечатал к металлу кузова. – Где она, я тебя спрашиваю?! Я тебя удавлю, тварь!

Ногтями она впилась в моё запястье. Засипела, пытаюсь отодрать от себя. Я стиснул её шею крепче. Вьюн на мертвенно-белой коже, раскрытый цветок...

– Где Стэлла?! – в висках стучало.

Мир раскачивался и вертелся. Мне стоило огромных усилий не сдавить так, чтобы разлетелись позвонки.

Ногти Динары оставили кровавые лунки в форме полумесяцев. Она судорожно вдохнула, как только я разжал пальцы и, кашлянув, тронула шею. И... отрицательно качнула головой.

Перед глазами заплясали красно-чёрные точки. Между ними на серовато-белом – вьюн с увядающим цветком. Болотная зелень глаз сквозь стекло.

Ночь и не сводящая с меня глаз Динара.

18 часов назад

Стэлла

- Психопатка, - просипела Динара. - Грёбаная психопатка! Два сапога пара...

Вокруг оставленной пулей дыры, сквозь которую на нас смотрела ночь, паутиной разошлись трещины. Звук выстрела стоял в ушах. Именно он привёл в чувства нас обеих. Я бы могла попытаться отобрать пистолет, но...

Дрожащими пальцами Динара вытащила из пачки сигарету. Несколько раз чиркнула зажигалкой и наконец глубоко затянулась. Швырнула пачку мне на колени.

- У тебя совсем тормозов нет?! - нервно она завела двигатель. Сдала назад, выравнивая стоящую поперёк дороги машину. Чертыхнулась, нажала было на газ и почти сразу остановилась, положив ладони на кожаную оплётку руля. Пепел с кончика сигареты упал на подол её алого платья, и она чертыхнулась снова. Стряхнула и втянула дым.

В молчании мы просидели секунд двадцать, не меньше.

- Оружие нужно держать на предохранителе, Динара, - я тоже слегка хрипела, - если не хочешь, чтобы оно выстрелило.

- Это тебя нужно держать на предохранителе, - зло выговорила она. - Ещё лучше - на цепи и в наморднике.

Я и раньше не знала, чего от неё ждать, теперь - тем более. Пистолет лежал на сиденье между её бедром и дверью. Нужно было идти до конца. Вцепиться в шанс, как я сделала бы это когда-то. Дыра в стекле не самое страшное. Оружие было весомым доводом во все времена. И желаниям того, кто им обладал, оно тоже придавало весомость. В нашем разговоре оно послужило бы аргументом. Только вот аргументы опять были у Динары.

Она посмотрела на меня. Неожиданно я поняла, что злости в её глазах нет. Скорее раздражение и досада.

- Всё, хватит, - вдруг сказала она. - Повеселились и ладно.

- Повеселились?! Это ты весельем считаешь?!

- Стэлла, - она повысила голос. - Ты что, серьёзно думаешь, что всё это из-за Алекса?! Да... - она запальчиво махнула рукой. Пепел снова полетел вниз, теперь уже на пол, на накиданные между сидений модные глянцевые журналы. - Нахрена он мне?! Потрахаться с ним - одно. Но терпеть его... Да я такого врагу не пожелаю! Твой муж - самоуверенный засранец. И...

- Тогда что тебе от меня надо?! - взорвалась я.

- Мне от тебя ничего не надо! Это Алексу что-то надо. Только что, я понятия не имею! Спросишь потом у него!

Она ещё раз затянулась. Кинула остатки сигареты в окно. Свет фар полоснул по асфальту, выхватил разделительную полосу и клочок береговой линии.

Я мрачно смотрела на это пятно света, и постепенно до меня начинало доходить. Ниточки связывались между собой, закручивались, превращаясь в толстенную, путеводную. Нет, это была не нить Ариадны. Это был канат. Канат имени Алекса, мать его! Вначале он засунул меня в самолёт, потом подслал вот эту вот...

Фары желтоватыми лучами ощупывали асфальт перед нами. Рассеченное стекольными трещинами небо куполом укрывало всё, что было за пределом пятна. Ехали мы не так быстро, как раньше. На Динару выстрел произвёл больше впечатления, чем на меня. Сразу было ясно, что вдыхать запах пороха ей доводилось нечасто. Если вообще доводилось. Хотя, надо отдать должное, пушка в её холёных руках выглядела убедительно. Я поверила.

- Куда мы едем?

На её лбу появилась складочка. Если бы телефон не остался в доме, я бы задала этот вопрос Алексу напрямую. Задала бы... Если бы этот мерзавец ответил.

– Куда мой муж приказал тебе меня отвезти? – с нажимом повторила я. – Где моя дочь?! Да что, чёрт возьми, происходит?!

– Откуда я знаю?! – неожиданно сорвалась Динара. – Что в голове у Алекса, знает только сам Алекс, – она замолчала. Вдавила педаль сильнее, и встречный ветер порывом ворвался в салон, вытесняя из машины остатки дыма. – Хотя порой мне кажется, что он тоже этого не знает. Что взбредёт на ум, то и порет.

– Без дочери я никуда не поеду.

– Твоя дочь с Дэном, Стэлла, – она снова заткнулась. Подняла окно, и ветер теперь проникал только сквозь дыру в лобовом стекле. – Алекс сказал, чтобы я привезла тебя одну. Без неё.

– Что ещё сказал тебе Алекс? – процедила я.

Она ответила не сразу. Вначале усмехнулась. Усмешка эта заставила меня повернуться к ней и впериться взглядом в её лицо.

– Чтобы я тебя не драконила. Извини, – она тоже повернулась. – Не сдержалась.

Не знаю, с кем разговаривала Динара незадолго до того, как мы остановились у неприметного бара, видно никого не было. Только возле входа стояла машина. Мы припарковались с другой стороны обочины. Динара открыла дверь.

– Пойдём.

Я не пошевелилась. Даже не двинулась.

Подождав, Дина закрыла машину. Её ладонь легла на руль, на запястье блеснул тяжёлый браслет.

– Послушай меня, Стэлла, – заговорила она, нарушив повисшую тишину. – Я тебе не нравлюсь, это не новость.

На эти слова я не отреагировала. Не нравится? Слишком мягко сказано. Посмотрев на меня, она продолжила:

– Поверь, я от тебя тоже не в восторге. Ты та ещё стерва. Глаза у тебя сучьи, да и сама ты... – она так и не договорила. Зря вообще начала. – В общем, не создавай проблем, ладно? Из-за вот этого вот – показала на стекло, – мне и так пришлось выкручиваться, – машина опять оказалась открытой. – Пойдём. Нам нужно поменять колёса.

– Зачем?

– Потому что дырка, которую ты сделала, не то, что может остаться не замеченным на парковке аэропорта.

Сказав это, она вышла из машины.

Аэропорта? Волей-неволей мне пришлось сделать то же. Сука в алом уже стояла у тёмной, похожей на спичечный коробок жестяной развалюхи. Мнения друг о друге мы были схожего. В правой руке она держала опущенный дулом к земле пистолет. Поднявшийся ветер теребил её волосы и подол платья, задувал мне под кофту и поднимал с земли песок. Дождавшись, когда я подойду, она, не садясь в машину, кинула пистолет на приборную панель. Проехавшись по ней, он стукнулся о стекло и замер. Я проследила за ним.

– Значит, аэропорт?

Динара расстегнула свою дизайнерскую сумку и, достав из неё паспорт, подала мне. Открыв, я увидела свою фотографию. Только... Вскинула голову.

– Берта?

– Не нравится имя? – она пошла к противоположной дверце.

Запечатлённую на фото девушку звали Берта Латиф. Волосы у неё были светлые, практически белёдые. Нет, не у неё – у меня. Потому что это была я. Длинные, они падали мне на плечи. На губах – перламутрово-розовый блеск, взгляд... взгляд, и правда, сучий. Впору то ли на панель, то ли в рекламу

никудашного шампуня. Что хуже – тот ещё вопрос.

Берта... Я бы сказала, что мне нравится, а что нет. Причём сделала бы это резко, но вряд ли имя и внешность гламурной бляди были на данный момент самыми большими моими проблемами.

Открыв машину со стороны водителя, Динара смотрела на меня поверх крыши. В темноте сложно было различить её лицо. Только глаза и красные губы.

– Куда мы летим, Динара? – мы не сводили друг с друга взглядов.

– Обратно в Россию, – сказала она и села в машину.

Я простояла ещё пару секунд и заняла место рядом. Если мой муж решил, что будет так, от этого никуда не деться. Могу ли я доверять Дине? Это другой вопрос. Судя по тому, что именно её подослал ко мне Алекс, он ей доверял больше, чем кому-либо.

– Возьми, – она протянула мне пакет.

Внутри оказался парик. Качественный, из натуральных волос.

– Надеюсь, чтобы его сделать, скальп ни с кого не сняли?

– Я тоже надеюсь, – Динара помогла мне надеть его. Провела по прядям. Я посмотрела на неё с предупреждением. Оно на неё не подействовало. Вслед за париком, Динара протянула мне изогнутый тюбик с розовым блеском.

– Сними кольцо, Берта, – сказала она. Это могло показаться издёвкой. Но издёвкой не было. Дина подняла взгляд от моей руки к лицу. – Сними его и спрячь. А лучше отдай мне. И ещё... не зови меня Динарой.

– А как я должна тебя звать, – кольцо я сняла. Но отдавать ей не стала – убрала в карман и застегнула молнию.

– Арина, – она показала мне второй паспорт. Губы её изогнулись. – Несколько дней мне придётся побыть твоей подружкой. Уж прости. Хотя... В детстве я

мечтала, чтобы меня звали Ариной, – её губы изогнулись сильнее. – Иногда наши мечты сбываются довольно странным образом и тогда, когда это уже нахрен не нужно.

Поднявшись на борт самолёта, я подумала, что попала в улей с нахлебавшимися забродившего нектара пчёлами. В последние годы летала я по большей части на нашем самолёте, в крайнем случае, в бизнес-классе.

Творящееся вокруг вызывало недоумение. В хвосте необъятных размеров мужчина с красным лицом и по-пороссячи заплывшими глазками что-то доказывал изморённой стюардессе едва ли не с пеной у рта. На руках у женщины плакала маленькая девочка. Пассажиры вокруг смотрели так, словно были готовы выкинуть из самолёта и её, и ребёнка. Женщина нервничала, пыталась успокоить дочь, но та, чувствуя мамину тревогу, заходилась пуще прежнего. Как только мы набрали высоту, сидящему с противоположной стороны от нас парню припёрло вытащить с багажной полки убранный незадолго до этого сумку. Не успел он открыть дверцу – на его соседку посыпалась набитая в отсек мелочовка. Апогеем стала слетевшая и едва не угодившая ей по голове бутылка вина.

– Дурдом, – желание поскорее оказаться на месте росло с каждой минутой.

Парень принялся запихивать свои пожитки обратно. Вместо извинений в адрес женщины полетели ругательства.

До этого дня в экономе мне доводилось бывать всего несколько раз. По пальцам одной руки пересчитать можно. Да и то было это в тот год, когда я ещё не вышла замуж. Вернее, пока Алекс не сделал меня своей женой. Он любил роскошь и не скрывал этого. Вспомнилось, как однажды этот мерзавец выкупил все места в самолёте только потому, что с его личным возникли неполадки.

Глядя на творящуюся вокруг вакханалию, я начинала склоняться к тому, что он не так уж не прав.

– Чартер, – понимающе отозвалась Динара. – Граждане туристы домой возвращаются.

Она повернулась к справившемуся с полкой и теперь усиленно работающему челюстями соседу по другую сторону прохода. Смотрела до тех пор, пока тот, почувствовав её взгляд, не повернулся. Судя по тому, как он зыркнул, Дине стоило затрястись зайцем, но она со свойственной ей надменностью ответила ему тем же. Повернулась обратно и вздохнула, вложив во вздох всё, что думала об этом.

Только я хотела встать, её рука опустилась на мою.

- Ты куда?

На нас покосилась сидящая у иллюминатора женщина. Выражение лица у неё было таким, как если бы Дина держала меня не за руку, а за задницу.

- В туалет. Можно?

Я вышла в проход между рядами, но Дина опять остановила меня.

- Не привлекай к себе лишнего внимания, - шепнула одними губами.

Я кивнула. Дошла до уборной и, оказавшись внутри, закрыла за собой дверь с чувством, что попала если не в рай, то куда-то около. До рая крохотной конурке с унитазом было далековато. Да и мне отправляться на тот свет не так чтобы хотелось.

Вымыв руки, с раздражением выдернула из держателя несколько бумажных полотенец. Скомкала и швырнула в урну. В дверь затарабанили.

- Тебе это так просто не сойдёт, Алекс, - шепнула гневно, открывая замок.

Возвращаясь к своему креслу, я не выдержала. Малышка на руках у матери продолжала надрывно рыдать. Уставшая, она затихала буквально на несколько секунд и опять начинала без всякой причины плакать. Похожая на гадюку сухая дама рядом шипела. Раздвоенный язык пришёлся бы ей кстати, как и копыта поцокивающему языком лысому детине сзади.

- Привет, - улыбнулась я, остановившись у кресла.

Быстро посмотрела на изнервничавшуюся мать. Та напряглась. Видимо, ожидала услышать нечто вроде «успокойте уже наконец своего ребёнка».

- Эй, - пощекотала я пяточку девочки. Надула губы, строя ей мордочку. Улыбнулась и проворковала. - Кто тут у нас такой настойчивый, а?

Малышка пару раз надсадно всхлипнула. Неразборчиво залепетала сквозь плач.

Я пошарила в кармане, пытаюсь найти что-нибудь, способное отвлечь её. Но в кармане было только обручальное кольцо.

- Ты с мамой домой летишь, да? - коснулась ручонки. - Какая у тебя мама красивая... У меня тоже дочка есть.

- Спасибо, - тихо сказала женщина. Я только качнула головой.

Внимание девчушки привлёк мой браслет. Небольшие гранаты с золотом. Агукнув, она ухватилась за него, потянула.

- Тебе нравится? - я улыбнулась. - Нравится... Да ты у нас настоящая леди.

Найдя незаметный замочек, я расстегнула его. Снова скрепила и дала браслет девочке. Она сжала его в ручке. Глаза у неё были серо-голубые и такие чистые, что на душе у меня стало светлее. Должно быть, ей ещё и года нет.

- Ты не плачь, ладно? Разве можно плакать, когда у тебя мама такая?

- Ма-ма, - коверкая буквы, повторила она за мной.

- Правильно, мама, - стёрла с её пухлой щёчки слезинку.

До одури хотелось обнять Надию. Именно в этот момент мне особенно сильно хотелось прижать её к себе крепко-крепко и сидеть, не выпуская из рук ни на миг. Появилось ощущение, что, если я не сделаю этого прямо сейчас, не сделаю больше никогда.

Низ живота резко потянуло. До рези, до боли. Темнота перед глазами. Всего секунда, напугавшая меня, как не напугала бы бесконечность.

Я прижала ладонь к животу и вдохнула. Боль отступила так же внезапно, как и появилась. Всё вернулось на свои места: краски, звуки.

– С вами всё в порядке? – обеспокоенно спросила женщина.

– Да, – я в последний раз коснулась детской ладошки. – Всё хорошо. Всё хорошо. Просто...

К чему ей было знать, что «просто»? К тому же, всё далеко не просто.

Так и не договорив, я тронула девчущку за коленку, пробежалась двумя пальцами по её ножке и, поймав улыбку, пожелала им с мамой хорошо добраться до дома.

– Вы забыли! – окликнула меня женщина, едва я отошла. – Браслет.

– Это подарок, – обернулась я.

– Но... – она обомлела. Платье на ней было простое, с мелкими катышками. На её дочери чистый, но изрядно поношенный детский костюм.

Я качнула головой. Показала на её малышку, коснулась своего живота и улыбнулась.

– Я же просила тебя, – недовольно шикнула Динара, как только я села в кресло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.me/kovalevskaya_alisa/do-poslednego-vzdoha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)